

**ВЛАДИМИР
ЛЕБЕДЕВ-ШАПРАНОВ**

**ТАКАЯ РАЗНАЯ
ОХОТА**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «КЛАДЕЗЬ»
КАЛИНИНГРАД
2004

УДК 882
ББК 84 (2Рос=Рус)6 - 44я44

Л 17 Лебедев -Шапранов В.П.
Такая разная охота : Рассказы / В.П.Лебедев -
Шапранов ; Вступ.ст. Б.Попов; илл. В.Лебедев, -
Калининград : «Кладезь», 2004. - 128 с.
ISBN 5-901597- 09-5: Б.ц., 1000 экз.

© В.Лебедев-Шапранов, 2004
© Вступительная статья Б.Попов
© Рисунки В.Лебедев-Шапранов
© Оформление, макет - издательство «Кладезь», 2004

ISBN 5-901597- 09-5

Преклоняюсь перед природой

О творчестве Владимира Лебедева – Шапранова

Есть художники, не обойденные известностью в своем Отечестве. Творчество их знакомо многим, но глубокий его смысл проясняется лишь со временем, иногда через много лет.

Что-то похожее происходит и с творчеством Владимира Павловича Шапранова (Лебедева). Кто из любителей природы не знает его работы? Наверное и не найдется такого – во всяком случае их мало.

Для нашего поколения его работы – эталон анималистического искусства, и нет надобности повторять, что Шапранов – видный анималист. Высокое мастерство этого художника в изображении животного мира признается безоговорочно. Это, безусловно, важная сторона его деятельности как художника и писателя.

Есть художники, вся жизнь которых воплотилась в нескольких итоговых работах, а их творческая кухня представляет интерес только для исследователей-искусствоведов. Широкой массе зрителей, читателей она не нужна. По отношению к Владимиру Лебедеву такой подход не правомерен. О нем нельзя судить только по самым крупным его работам. Он интересен именно повседневной, упорной работой. Он работает и мыслит так, что вся его жизнь может рассматриваться как произведение искусства.

Он воспитывал себя сам, рано покинув отчий дом, сам сделал себя художником, не смотря на то, что был военным, сам, путем ежедневного напряженного труда поднялся к вершинам культуры, организовав и возглавив журнал региональной культуры «Балтика». Он поразительно беспощаден в самооценке, но, прекрасно сознавая значение своей работы, скрупулезно заботится о сохранении всего сделанного. Это трезвая оценка своей работы и понимание ее важности и значения для будущих поколений.

Так чем же интересно и важно творчество Владимира Шапранова для живущих в конце XX – начале XXI веков? Думается тем, что во времена сплошной урбанизации и механизации он являет собой пример глубочайшего экологического мышления художника и писателя.

Людей, рисующих животных много, однако Шапранов сумел увидеть за обликом дикого животного или в напряженной охотничьей сценке душу окружающую человека природы, страдающей от цивили-

лизации, но бесконечно терпимой и близкой человеку, который и сам является ее частью. Оттого-то так величавы и значительны шапрановские звери и птицы, оттого-то в их позах и торжество, и трагизм.

Чтобы не быть голословными приведем слова самого Шапранова:

«С большим вниманием и глубоким чувством изумления, уважения и любви смотрю я на животный мир, красоту лесов и полей. Не смотря на возраст, я до сих пор не перестаю удивляться неисчислимому разнообразию форм жизни, всегда неожиданно новых, неповторимых, всегда прекрасных.

Как художник преклоняюсь перед природой – мощным проявлением вселенской красоты. Но чтобы и в старости видеть это, необходимо с детства прививать ребенку любовь к животному миру, постоянно обращать его внимание на красоту зверей и птиц, их пользу, проявления материнских инстинктов в заботе о своем потомстве, на чувство привязанности, которым животные отвечают на всякое проявление добра и заботы. Все это развивает интерес ребенка к животным, их жизни, среде обитания, вызывает сочувствие и желание защищать окружающую природу.

Когда в литературе, в произведениях живописи, графики, скульптуры и декоративно – прикладного искусства, на киноэкранах будут изображаться красота животных, их увлекательная жизнь в единении с природой, их привязанность и преданность человеку, это, несомненно, вызовет ответную реакцию: интерес, симпатию, сочувствие и любовь. Анимализм в широком смысле слова, и в частности, изображения животных, сыграют свою гуманную роль».

Книги и вся огромная художественная практика Владимира Павловича Шапранова вместе с работами других любителей природы – писателей и художников, предопределили то движение общественного сознания в защиту окружающей среды, которое происходит на наших глазах. Именно эти люди готовили своим творчеством поворот от покорения природы к сотрудничеству с ней, который еще должен произойти и начало которого все мы сейчас видим.

Думается, что наибольшее представление о творчестве Владимира Шапранова могла бы дать книга-альбом об охоте с репродукциями его графических работ, с большим количеством набросков и включением рукописного наследия.

Б.Попов

Утки где-то здесь

Охота! Сколько поэзии в этом слове для охотника и любителя природы. Сколько приятных воспоминаний оно рождает у пожилых охотников – удачных ребят в молодости, которые, не робея, выходили на поединок с медведями, волками, рысями... А белку били не иначе, как в глаз.

Эти-то охотники и рассказывают много интересного, любопытного про «старые добрые времена». Право, некоторых с удовольствием можно слушать ни один долгий зимний вечер.

Я хорошо знал одного такого человека и дружил с ним много лет. Уже в солидном возрасте он все еще ходил на охоту и мало в чем уступал молодым. Звали его Николаем Кирилловичем, а по-приятельски, между собой, просто - Кирилычем.

Когда же неумолимое время взяло свою дань и он больше не в состоянии был ходить на охоту, то с наступлением сезона охоты делался задумчивым, и даже мрачным, снаряжая своих детей и внучат, родных и близких. А проводив с крыльца, плакал в рукав горькими слезами, пока охотники не скрылись с глаз за ближайшим холмом.

Плакал он не от страха за близких людей, своих учеников, нет, он плакал от бессилия, от того, что не в состоянии был следовать за ними.

Но довольно, что-то и у меня защемило ретивое. Я отвлекся от главного. Эдак , пожалуй, унесусь далеко и не расскажу про охоту.

Однако, прежде позволю себе сделать еще одно отступление. Уверен, оно не будет лишним, потому что описываемое время и приметы предшествуют наступлению сезона охоты.

Прошла сенокосная пора, закончился жаркий июль, стал посвежее воздух. Пожухла высохшая от палящих лучей солнца не скошенная трава. Везде на речках и озерах появились всевозможные виды богатого пернатого царства: утки, кулички...

По сырым логом и падым зазеленели тучные скирды сена. На скошенных лугах снова поднялась зеленая трава. Все это привлекает целые стаи степных дроф. Преважно и, в то же время, осторожно разгуливают они с птенцами по желтеющей волнующейся скатерти.

Наступило время хлебной страды. Копошились люди и машины по широко раскинувшимся полям ржи и пшеницы. Легкое волнение на душе у охотника. Настает козий гон. Дикие козлы своим хрипом выгоняют маток с опушек лесов, что заметили и мы – охотники. Прошло еще несколько дней и небо затянулось по всему горизонту серыми облаками. В воздухе сделалось еще свежее и сырее.

Но вот и конец августа. Птицы, как, впрочем, и вся дичь, начали табуниться. Везде собрались в огромном количестве утки, загготали гуси в беспредельности небесной лазури. Пролетают со своим печальным курлыканьем треугольники длинноногих журавлей. Эти звуки по-особому задевают сердце любителя природы и охотника.

Невольно поднимается голова кверху, ищешь глазами певцов, но отыскать не можешь – в небе светло и голубо. Журавли забрались так высоко, кружась в лазурной выси, что их с трудом можно увидеть даже зорким глазом.

Холодные утренники стали сковывать жидкую грязь. Но солнце еще успевает отогреть землю своими последними замирающими лучами.

День ото дня становится холоднее. Последними потянулись в теплые края лебеди. Еще сильнее забилося сердце охотника, потому что отлет этих красивых птиц, указывает на приближающийся холод и начало охоты. Затрубили олени, изюбры в синеющей дали тайги.

И поехали отдельные охотники и целые охотничьи коллективы на гоньбу.

Наконец, пролетная и местная болотная дичь почти вся улетела, но в степях остались дрофы, а в зарослях сопок – фазаны, которые не сильно боятся приближающихся морозов и

нередко живут в родимых местах до тех пор, пока настоящая зима не погонит за теплом.

Вот когда наступило время беспокойного ожидания охотников на белку, куницу, соболя, волка, лису, рысь. Уже давно екало их сердечко, дожидаясь Покрова дня. Пришел и он.

Засуетился народ. Ремонтируется необходимая для тайги, леса теплая одежда, обувь. В это время они не раз проверяют свое охотничье оружие и нехитрое снаряжение, нетерпеливо поглядывая вдаль, на высокие хребты, поросшие сопки. И эта синеющая даль так заманчиво рисуется их воображению, зовет охотников в свои потаенные, глухие чащобы, нередко такие «милые», по их воспоминаниям.

Охотничьи собаки тоже знают это время – скулят, крутятся вокруг своих хозяев и нетерпеливо ждут отъезда. Охотники сходятся вместе, сговариваются, куда отправиться, на какой день.

Вот, наконец, закончились последние приготовления к отъезду. Да и время уже пришло. Леса обнажились, сошла шуга, и появились ледяные закраины по речкам. Озера покрылись, как зеркалами, ровным, прозрачным, но еще тонким льдом, побелели сопки. Пали мягкие порошки и высветили сразу же следы зайца, лисьи нарыски и волчьи дорожки. Медведь, барсук залегли в свои теплые зимовья до весеннего солнышка. Пора охотникам отправляться на охоту.

Как уже было сказано, на охоте в это время бьют всякого зверя, который нарвется на пулю охотника. Но этого мало – нужно еще кое-что прибавить. Если один из охотников найдет где-либо свежий след кабана, оленя, сохатого или медвежьего берлогу и один не в состоянии справиться со зверем, то он должен немедленно сообщить об этом сотоварищам и тогда они отправляются на совместную охоту.

На любой охоте человеком прежде всего движет инстинкт, заложенный природой, – быстрее, как можно быстрее, лишь только появилась возможность, добыть желанный трофей. Это хорошо, говорить о выдержке, о спокойствии на

охотничьей базе, за стаканом чая, а когда перед тобой два весенних селезня-красавца и ты не знаешь, как дальше сложится заря, и это, может быть, единственная выпавшая возможность подстрелить дичь – о каком спокойствии можно говорить.

Двенадцать месяцев в году. И каждый месяц, будь то самое «глухое» время года, когда нет никакой охоты, начинаешь ясно понимать, что охота это не только выстрелы.

Охота – это прежде всего любовь, постоянное горение сердца, никогда не сбывающаяся мечта, таинственное и неукротимое стремление к свободе духа, к путешествиям, конечная цель которых – обрести самого себя и утвердиться в бесконечном водовороте жизни. Это момент, когда твой дух возликует, услышав шорох падающих в тихом лесу листьев, похожий на шорох начинающегося дождя. Это миг жизни, когда, стоя на номере или на тяге, ты увидишь вдруг, как вздрогнет придавленная зимним, но размокшим уже, снегом нижняя ветвь елочки и, вырвавшись из плена, закачается. Это минуты, когда гогот пролетающих в выси гусей, возродит в тебе дремлющие силы, словно бы жизнь твоя начинается заново вместе с этими пролетающими мимо птицами, которые унесут на своих сильных крыльях все твои напасти и хвори. Это то время, когда ты пожалеешь людей, не изведавших в жизни ничего подобного, и простишь им великодушно то распространенное заблуждение, которое, увы, все упорнее и настойчивее овладевает все новыми кругами людей, что охота – это всего лишь на всего коварный выстрел и убитые птица или зверь.

Люди забывают, сколько вреда приносят «невинные» походы в леса, на речки и озера в то время, когда птица сидит на гнездах. Стараются не задумываться над тем, как опасны для всего живущего в лесу радостные детские забавы, шум радиоприемников, костры, песни, вырубка сушняка, брошенные бутылки и банки, прочие неприглядные дела. Все живое бежит в испуге, бросая гнезда, оставляя

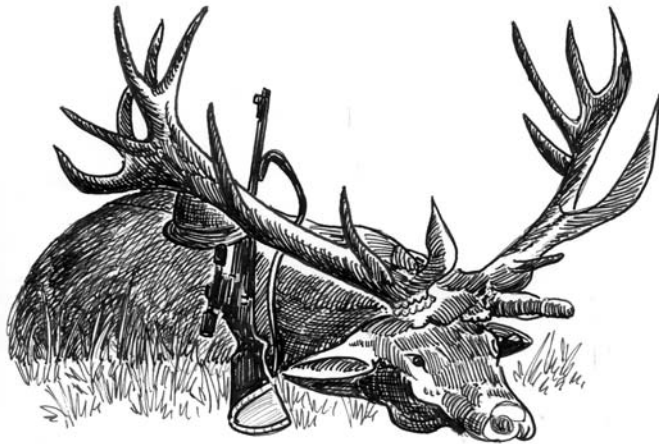

птенцов, о судьбах которых не ведают веселящиеся туристы, никогда не бравшие в руки ружья и полагающие, что это дает им право ополчиться на охотников и на охоту вообще.

Будем же милосердны и терпимы друг к другу, помня, что в истории человечества многие великие гуманисты, знаменитые писатели и художники, – большие любители природы и ее защитники – были страстными охотниками. Задумаемся над этим явным, казалось бы, противоречием и простим великодушно друг друга.

Мы же, охотники и любители природы, откроем эту книгу и окунемся с головой в замечательный мир.

12

НА ЗАРЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

В отдаленные времена появления на Земле первых людей, на всем земном шаре господствовала, подчиняясь лишь своим законам, дикая природа. Неистощимо разнообразная и богатая, неприветливая и часто опасная, с нехоженными, неизвестными далями, окружала она человека каменного века.

Тучами загорали солнце неисчислимые стаи птиц. Опустошая все на своем пути, волнами прокатывались по земле кочевья разных насекомых и грызунов. Дрожала и пылила земля от движения огромных стад копытных животных. Стаями и по одиночке бродили, преследуя добычу, не боящиеся человека свирепые хищники. Землетрясения и извержения вулканов, ураганы и грозовые ливни, гигантские лесные и степные пожары – все это многие века и тысячелетия от рождения до смерти окружало человека.

И все же человек оказался сильнее всех стихий, и преодолеть враждебное окружение ему помогли его собственные разум, руки и орудия труда и охоты. На заре своей истории человек проявил себя творцом нового, и это творчество возвысило его над всем миром живой природы.

Поэтому нам, далеким потомкам первобытных охотников, всегда интересна их жизнь.

... Первые каменные орудия труда, оружие. Сколько наблюдательности, сообразительности, ловкости и силы понадобилось человеку, чтобы найти подходящий камень, обколоть и заточить его. Сделать обтекаемыми наконечники стрел, копий.

Ухудшение природных условий – надвигающееся оледенение – вынудило человека защищать тело от холодов, используя для этого убежища, шкуры и огонь. Мясо являлось основной пищей, и охотничий образ жизни стал необходимым этапом в процессе становления и развития человека.

И где бы ни жил первобытный человек, на месте его поселений возникал, так называемый, культурный слой, в котором сохранялись кости животных, орудия труда, охоты, предметы быта. Изучение находок из этих слоев позволило ученым определить виды животных и методы охоты наших далеких предков.

На стоянках, в пещерах, расположенных в скалистой, сильно пересеченной местности, часто встречаются кости животных – обитателей пещер и ущелий: пещерного или бурого медведя, льва. Там, где человек жил в окружении леса, среди остатков его добычи находят кости большерогих оленей, лосей, кабанов, рысей, волков.

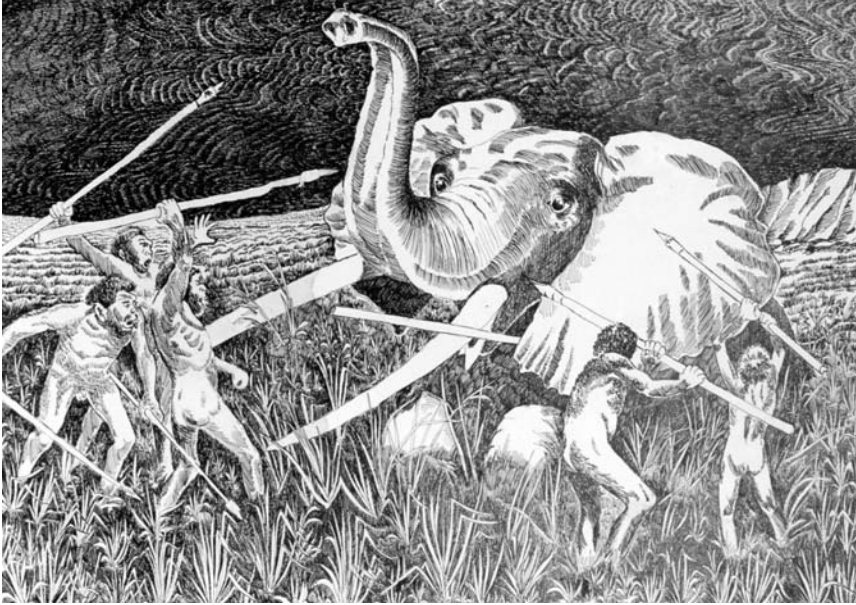
В эпоху позднего неолита, около 40 тысяч лет назад, наступила новая стадия развития человечества, которая ознаменовалась появлением человека, принадлежащего уже к тому же типу людей, что и мы.

Стоянки этих людей были гораздо шире распространены на Земле, и они оставили многие свидетельства более высокого развития человека. Теперь это были сильные и ловкие охотники, обладающие многими навыками, большим опытом. Их оружие стало более совершенным. Расширился ассортимент орудий, изготавливаемых из кремня: ножи, резцы, скребки, проколки.

Важнейшим орудием охоты стал метательный дротик с острым прочным каменным или костяным наконечником, имеющим приспособление для укрепления в древке.

Копье, направленное опытной рукой, было очень серьезным оружием при охоте на крупных животных: северного оленя, лошадь, бизона, мамонта.

Из рогов северного оленя и прочных его костей охотники научились изготавливать гарпуны с крупными зубринами, которые при сильном ударе образовывали широкую рваную рану.

Однако охотники совершенствовали не только оружие, но и приемы охоты. На звериных тропах, ведущих к источникам воды, люди выкапывали глубокие ямы, маскировали их дерном, ветвями. Иногда загоняли зверей в болота и топи, где с ними легче было управиться. Ставили различные ловушки, изображения которых сохранились до настоящего времени в наскальных рисунках некоторых пещер.

Важнейшим объектом охоты того времени был мамонт. Рисунки палеолитического человека изображают его косолапым, с характерно выступающей головой и горбатой спиной. Череп великана украшали гигантские бивни. Несмотря на свою силу и, казалось бы, грозное вооружение, это было тяжелое, неповоротливое животное. Человек охотился на него постоянно, добывал его в больших количествах. Мамонт привлекал человека массой мяса и жира. Ценились шкура и бивни мамонта, так как человек научился обрабатывать их.

Охота на мамонта, из-за его величины, носила особый характер – она проводилась коллективно и организованно, так как требовалась большая сила и изобретательность для окружения и добычи зверя. Главным средством ее должны были быть загоны, огромные ловчие ямы или естественные западни – изрезанные обрывистые берега речных долин и ущелья.

В холодные времена первобытные охотники выбирали для своих стоянок пещеры. В более теплое время, когда ледники отступил к северу, стоянки располагались под навесами скал или под открытым небом. Огонь пылал около входа в пещеру, отпугивая хищников и преграждая путь холоду. На поселениях под открытым небом первобытные люди строили жилища типа шалашей или полужемлянок, для чего использовали толстые ветви деревьев, шкуры убитых животных, крупные кости мамонтов.

Зимой после удачной охоты первобытные охотники могли запастись мясом на время метелей, сильных морозов. Летом люди научились сушить и коптить мясо, поэтому голод им не грозил.

Шкуры животных, мех использовали для изготовления одежды, которая была крайне необходима в холодное время года.

Около 15 тысяч лет до нашей эры наступила эпоха мезолита – среднего каменного века. Это был период, когда отступил последний ледник и изменился окружающий ландшафт. На месте покрытой льдом равнины появился растительный покров, сформировалась тундра, а затем степь и лес.

Северные животные: мамонт, северный олень, шерстистый носорог, заяц-беляк, песец и другие – отступали с ледником к северу. Освобождающиеся местности заселяли лоси, волки, медведи, бобры.

В эту эпоху охотник изобрел лук со стелами, что ознаменовало новый этап существования человека. Охота стала более легкой и добычливой, доступной не только коллективу, но и одному человеку. У человека появился верный помощник – собака – первое прирученное животное, которое стало его постоянным спутником и на охоте, и в быту.

Охотничий опыт накапливался, совершенствовался и передавался из поколения в поколение. На лесных тропах устанавливали ловушки-петли, куда попадали мелкие зверьки, самострелы. Животное, проходя по тропе, задевало и натягивало веревку или прут, соединенный со спусковым устройством, изогнутое древко выпрямлялось, придавая движение стреле или дротику.

В V тысячелетии до н.э. наступил последний период каменного века – неолит или новый каменный век. Водными путями человек проник на Север, освоил новые пространства в поисках угодий, богатых зверьем, и водоемов с рыбой.

Стало зарождаться земледелие, человек начал разводить домашних животных. Но охота по-прежнему играла важную роль в его жизни.

В Тверской губернии найден интересный наконечник стрелы, свидетельствующий о том, что у мастера, изготовившего его, было представление об аэродинамических свойствах полета стрелы. В профиле наконечника прослеживается кривизна – особый двойной изгиб. Наклон, вся форма изгибов уравнивают сопротивление воздуха, и, несмотря на видимую кривую линию профиля наконечника, сохраняются аэродинамические свойства полета стрелы.

Чем дальше и точнее летели стрелы первобытных охотников, тем больше новых земель по берегам рек, озер и морей заселяли люди, тем полновластнее они хозяйничали в горах, степях и лесах, подготавливая для своих потомков эру овладения силами природы.

ВРЕМЕНА ГОДА

18

ВЕСЕННИЕ АКВАРЕЛИ

А наутро... пришла весна. Теплый юго-восточный ветер на глазах истоньшал снежный покров. Солнце заливало тайгу. Снег во многих местах покрылся коркой. С обрывов над рекой бежали ручейки, на белой поверхности разлива во многих местах появились большие желтые проплешины.

* * *

Повернулся лицом к солнцу. Оно светит во всю мощь. Да так - глазам больно. А тут вдруг лес зашумел. Легкий нежный ветерок всколыхнул сосенки. С березок, что стоят не вдалеке, полетели вниз бойкой стайкой снежинки. И только глянул на крону сосны, под которой был, как неожиданно увидел сбоку, над головой, блестящую каплю – жемчужину. Она медленно росла, становилась все полнее. И вот, отяжелев, будто скатилась с зеленой хвоинки вниз. Чуть не задела меня. Вслед за ней вторая, третья... Кажется перезимовали.

* * *

Шли не торопясь. За шутками да прибаутками и дальняя дорога не дорога. Высинился весенний вечер. Вешние воды переполнили канавы и кюветы, затопили луговины и болотины. Косые лучи заходящего солнца, пробиваясь из-за свинцовых туч на горизонте, позолотой ложились на стволы сосен, переливаясь в сиреновой долине березняков, сверкали алыми пятнами в бегущих и стоячих водах.

Лес по обе стороны дороги жил возбужденной весенней жизнью. Всюду булькала вода, откуда-то сверху доносился посвист упругих крыльев, всюду кричали, пели, верещали пернатые обитатели леса. Рассыпалась дробь дятла, в лужах глухо урчали лягушки. Все эти звуки, сливаясь и переплетаясь, текли над лесом чарующей мелодией.

Солнце уже катилось за леса, и матово-лиловые сумерки тихо опустились на родной лесной и озерный край, когда мы подошли к засидкам около токовищ не вдалеке от озера.

* * *

Со вчерашнего дня многое изменилось в лесу: он шумел, потрескивал, то и дело раздавались из чащи короткие птичьи трели, порывами налетал ветерок, раскачивая ветви, с которых скатывался на землю снег. Лес открыто радовался теплу.

* * *

Весеннее солнечное утро. Рощица, окруженная раскисшими от тепла охристыми полями и недалеким нежно-фиолетовым и еще совершенно голым лесом, в основании которого лежат грязно-белые пятна снега.

Распаренная земля пахнет сыростью, прелыми листьями, пылью, осевшей на прошлогодней траве, и свежестью не растаявших остатков снега. Где-то далеко и звонко прокуковала кукушка, вяхирь гулко проворковал в еловом острове, и низко, словно басовая струна гитары, прогудел оживший шмель.

* * *

Был конец марта. Солнышко стояло высоко на небе и посылало на землю яркие лучи. В воздухе чувствовалась еще свежесть ночных заморозков, в особенности в теневых местах, но уже по талому снегу, по воде в ручьях и по веселому виду деревьев видно было, что ночной холод никого уже запугать не может.

* * *

В короткие дни весеннего очарования глухарь, как и все прочее, занят только тем, о чем поет.

Иногда еще суровый отголосок зимы – апрельский утренник – трескучим льдом скует болото – ничего, незримые волны несутся, они греют жарче солнца, они палящим зноем пронизывают все существо, требуют, велят петь яростную песню любви, зарождают новую жизнь.

А это что за странное урчание слышится, висит, точно многоголосый стон, над необозримой гладью разлива, заболоченной частью речки, в блеске сияющего полдня. Да, это обыкновенные лягушки.

Их сотни, тысячи. Торопливо огребаясь лапками, очень похожими на руки, длинными вереницами, со всех сторон спешат они куда-то все по одному, твердо взятому, направлению, не ныряют, а плывут, плывут, не квакая, а томно урча.

И все они стремятся к чему-то немому, живому, величиной с большую кучу, которая с плеском ворочается, значительно выдаваясь на мелководье. Там сходятся концы всех плывущих верениц этой зеленой братии. Они сплелись, смешались, слились в плотный ком и, перевертываясь, мечут икру.

А в это время, в блистающей лазури неба белая, как стадо курчавых облаков, трубя, летит стая лебедей. Куда они летят? Зачем? Летят они подальше от жилья человека, туда, где окруженные необозримыми тайниками болот, трепеща упругими белоснежными крыльями в сверкающих брызгах прозрачно-чистых вод, в розовых отблесках утренней зари величественные птицы строго попарно сделают то же самое, что и те лягушки с такою отвратительной простотою, покорно подчиняясь общему закону жизни.

Ожидание весны

Лесные тропы

ЖИВОПИСЬ ЛЕТА

Засмотрелся на зеленоватую синеву с айсбергами рыхлых облаков; лицо и шею оведало теплом нагретых за день песков, камней, сосен. Нерушимая тишина стояла в небе и на воде, и я знал, что ее никто не спугнет.

* * *

Летом северное солнце иногда жарит так, что все живое, включая и сугубо сухопутных, лезет купаться. Лесная, таежная, тундровая птица, раскрыв клювы и распутив крылья, дышит тяжело, в изнеможении забившись в глушь кустов, под кочку, под бугорок.

Летом, на утренней заре, когда те самые нежные, ласковые лучи, что через несколько часов станут невыносимо жгучими, только еще брызжут огненными стрелами из-за края земли, в этот сладостно-прохладный час глухарь в росистой глубине леса мирно клюет ягоды. Солнце ему нипочем.

* * *

Лето скоро встретится с осенью. В сумраке наступающих прохладных рассветов выбегают на покосы тетеревята с осторожной мамой-тетеркой. Молодь суетливо бегает вокруг нее, выискивая в траве букашек и червячков. Тетерка то и дело предостерегающе квохчет на них, кивает и вертит головой – нет ли в сером небе ястреба. Вокруг все спокойно.

Из густой травы, оставленной в кочкарнике, показалась черная бородатая голова – сам глухарь, собственной персоной. У него кончается линька перьев, и теперь он откармливается семенами трав, ягодами малины и синей черники.

ОСЕННИЙ НАТЮРМОРТ

... Бабье лето. Огромное, синее-пресинее небо. Солнце на нем сияет, но прозрачный воздух холодит. А вокруг – сплошь желтое, словно весь мир покрашен одной краской: камыши желтые, осока и трава желтые.

Пестрым разноцветьем загораются начинающие вянуть листья, и оттого деревья будто подсвечены цветными лампочками, и каждое дерево окрашено по особому.

В синем воздухе летают серебристые паутины и искрятся в лучах. Верхушки камышей опутаны белым, словно проводами. Ни день, а сине-золотой подарок. И пахнет сухим соломенным духом.

* * *

Двигались молча. Мы пересекали угрюмый буреломный завал. Трепетное чувство наполняло меня. Над нами простиралось бледное, тронутое едва начинающимся рассветом, небо, затянутое легкой паутинкой облачков. Дикая глухомань окружала нас. Белесый плотный туман плыл над болотом и низиной, заросшей ольховником. В его вязкой ускользящей белизне деревья теряли очертания. Казалось, что они повисли в воздухе. К мокрым резиновым сапогам липли семена уже неживых, жухлых трав. Свинцово отсвечивали болотные окна воды. Воздух густел, отягощенный ночной влагой.

На краю большого кочковатого болота мы остановились и долго вслушивались в окружающую нас тишину. Я не слышал ничего, кроме сильного биения сердца и шума в ушах.

Терпко пахло хвоей и грибной плесенью лесного подстила. Что-то древнее, призрачное чудилось во всем окружающем.

* * *

Сумерки уже сгущались. Туманная хмарь заволакивала низины. Особенно это стало заметно, когда мы вошли в лес.

Размокшие, сорванные и истоптанные осенними дождями, осиновые, ольховые, березовые листья ненужным хламом стелятся по просеке. Шаг не слышен, призрачен. Затихла веселая осень, ветру надоело трепыхание разноцветных листочков, вот он и пошвырял их в грязь, засыпал ими лесные тропы, завалил лужи-озерца.

* * *

Костер глухо потрескивал. Сухие язычки пламени въедались в кору хвороста, обугливали ее, гасли и вспыхивали с новой силой. В тайгу уносился запах смолы и грибного отвара. Вода в котелке булькала и пузырилась, пора было заваривать чай. Но шевелиться не хотелось – было хорошо вот так сидеть, глядеть на огонь и слушать, как в тишине стучит по сушине дятел, выбивая замысловатую морзянку. И жаркий костер с запахом смолы и грибов, и стонущая тишина, и дятел – все действовало на меня успокаивающе, клонило ко сну, и, в конце концов, откинувшись к пеньку я задремал, вяло думая о всякой всячине и постепенно погружаясь в блаженное состояние отрешенности.

* * *

Я стоял на полянке в осиновом подросте, а прямо передо мной, на фоне черного ельника, стояли три березы. Они выросли букетом из одного корня, белые-белые в сером затишье ноября. Они одни светили всему в этом холодном дремотном ненастье, три сестры из одного корня. И все вокруг них было усыпано, уложено их ржаво-золотистым листом, чуть влажным, с грибным запахом, с кое-где торчащими веточками, тоже упавшими с этих берез. А в пригоршне-развилке трех сестер я увидел старое травяное гнездо какой-то певчей птицы.

* * *

На охоту вышли ранним утром. Стоял конец октября. Сбитые ночным заморозком камышовые листья толстым шуршащим ковром покрывали иссеченную бороздами землю. Тонкие блестящие копы камышей, увенчанные еще не измочаленными буйными ветрами метелками, создавали впечатление, будто перед нами выстроилась многочисленная рать, стерегущая рубежи своих заповедных пределов.

В вогнутых посеребрённых плашках пересохших соленых озёр желтым пушистым пламенем пылали жертвенные кусты тамариска, зажженные природой в честь златокудрой осени.

И это еще больше усиливало иллюзию того, что мы находимся среди молчаливых, закованных в бронзовые доспехи воинов в неведомой и дикой стране, где до сих пор совершаются культовые обряды во славу таинственных и бессмертных богов времен года.

* * *

Сень лесов скудеет с каждым днем. Золотые листья, плавно покачиваясь, неохотно падают на землю. Временами порывы какого-то незнакомого, пришлого, ветра подхватывают их и ярким пестрым ковром закрывают землю от надвигающихся холодов.

Вместо пения птиц – шуршание пожухлой травы под ногами, да шорох дождя в поредевших кронах.

В погожий день холодное солнце не в силах более рассеять дымку потускневшего неба. Вечерами неуютно и зябко, а к утру на лужах все чаще появляется хрустящая корочка льда.

... Давно улетели журавли, утки, гуси. Последними белыми облаками проплыли в поднебесье величественные лебеди.

Начались нудные осенние дожди. Лес стал серым и неуютным.

* * *

По черной воде плавали блеклые листья, пойма, плутающая в побуревших ивняках, шла на юго-восток. С двух сторон ее сопровождали могучие еловые леса. Они темнели сквозь прозрачный березняк опушек, по краю которых мы и пошли вверх по течению заросшей речушки. Мы шли в серое по серо-желтой траве, уходили по лесной дорожке в тишину, холодную, неподвижную, с привкусом вялой листвы, ольхи, осины и спящего муравейника под старой одинокой елью. Мельчайшая морось сеялась на лицо с неба – не то дождь, не то иней. Ветра не было, никого и ничего не было, кроме нас.

* * *

Неприятный ноябрьский дождик зашелестел сразу же, как только мы вошли в лес. По лесному бездорожью такая плотная тишина обступила нас, что шорох бесчисленных капель, накрывших лес дрожащим туманом, только усиливал ее. Безмолвие. Ни звука среди хвойных колючек. Никто и ничто не шевельнется между потемневшими, мокрыми стволами деревьев. То ли мягко подкравшийся дождь заставил затаиться лесную живность, то ли вырвавшиеся из городской суеты люди напомнили обитателям чащи о грозящей опасности.

* * *

Подбросил в костер сухие еловые лапы. Взметнулся огненный столб, приземлился, уплотнился, по малиновым угольям заплясали голубые язычки, а дым унесло вбок и вверх – и все во мне успокоилось, согрелось, и стало клонить ко сну.

... Стылая тьма во всем мире, а во тьме постепенно меркнет огненная пасть – дотлевают в костре коряж. Стылая предзимняя немота, а в шалаше, в сухом сене, тепло и уютно. Увядшими цветами пахнет сено, проплывают сонные мысли, тихо грустит что-то во мне.

С трудом разлепил глаза, не понимая, где я, почему в сене, почему на губах привкус зимнего холода, а лаз из шалаша светит матовым и пушистым светом? Снег! Все кругом, кро-

ме елей, стало мягким, покойным, белым-белым. За ночь завалило пойменные кочки, шалаш, осиновую колоду – все!

Я вылез и вздохнул до дна, до слез, чистый снеговой холодок. Из серо-белого неба выпархивали редкие снежинки, было тихо-тихо.

Постоял немного и пошел в сторону черной речки, сбивая порошу с осоки, перешел по мелководу, оставив темные следы до дальних опушек, а затем пошел высокими местами, огибая осиновые колки, к сосновым борам.

Под соснами снега было мало – чуть припорошило брусничные кочки, медные стволы расступались и смыкались за спиной, а я все шел и шел на северо-запад, смотрел и смотрел, захваченный утренним очарованием...

* * *

Верхушки сосен розовые... Нижняя половина крон обычная, зеленая, а маковки розовато-рыжие. Солнце опускается, и золотистые лучи уходят все выше, а снизу поднимается холодный сумрак. Ветер умолк, стало заметно подмораживать. Тишина. Стылая заря, молчаливая. Ничего, зато в ясный вечер лучше слышно и звук полета, и шорох сучьев, когда большая лесная птица усаживается поудобнее в густой хвое.

* * *

Только что начался осенний ход кеты. Тысячи и тысячи рыб закрывали дно реки. Иногда кета стояла недвижно, но вдруг, словно испугавшись чего-то, бросалась в сторону и затем медленно подавалась назад.

* * *

Вода в ручьях была еще в движении, но по замирающему шуму заметно было, что скоро и она должна будет покрыться ледяной корой и совсем замолкнуть. Там, где из расщелин в камнях понемногу сочилась вода, и где раньше ее не было видно, теперь образовались ледяные натеки. Они постоянно увеличивались в размерах и казались замерзшими небольшими водопадами.

* * *

Выпал первый снег, хотя на деревьях кое-где еще сохранились бурые и зеленые листья. Отяжелевшие от мокрого снега ветви склонились к земле. На фоне побелевшего леса выделялись величественные темные сосны. Густой кустарник оделся почти сплошь белым покрывалом. Слегка морозило. Стояла тишина, лишь в распадке еще журчал ручей.

Лес поредел, сменился на лиственный с полосками и островками кустарника. На снегу, то и дело, встречались следы птиц и мышей, реже попадались на глаза парные цепочки следов колонка. Вдоль ручья, петляла старая звериная тропа. На ней четко вырисовывались крупные, слегка продолговатые, отпечатки лап медведя и поменьше – от копыт лося.

Судя по следу, оба зверя шли шагом, причем лось прошел раньше. Через километра полтора, в чаще, на истоптанном и окровавленном снегу виднелись клочья шерсти. В стороне под деревом валялась растерзанная туша лося. Было видно, как медведь подкрался к лежащему лосю из-за вывороченного комля дерева и одним прыжком навалился на него.

Но зверь ушел от добычи, спугнутый кем-то, дожидаясь удобного момента, чтобы возвратиться к добыче и насладиться своей кровавой трапезой.

ЗИМНЯЯ ГРАФИКА

Полуденное желтое солнце, с утра утопавшее в сером тумане облаков, постепенно приобретало четкий золотой контур. Да и небосвод медленно окрашивался в голубой цвет.

Голубыми, прозрачными казались лесные дали. Голубыми становились тени деревьев, а тонкоствольные березки, что выросли посреди поля, засияли, засверкали миллионами искр хрустального инея. Весело в такое время в зимнем лесу.

* * *

За кедрочком березовая рощица, за ней полянка. Еще прошлой зимой глухарь-отшельник облюбовал эту полянку. У молоденьких кедрочек невысокий снежный бугорок, а вблизи еле замечаю заметенную яму. Останавливаюсь. И в этот момент огромная бородатая птица с громким хлопаньем широких крыльев взлетает вверх. Вслед за глухарем тянется белый шлейф снега и веером рассыпается на тысячи хрустальных кристалликов.

В снежных кружевах лишь на мгновение краснобровый отшельник показал свою красоту. Живая радуга цветов пронеслась в лучах яркого солнца и растаяла в вершине лесной завесы.

* * *

Выпал первый снег, хотя на деревьях кое-где еще сохранились бурые и зеленые листья. Отяжелевшие от мокрого снега ветви склонились к земле. На фоне побелевшего леса выделялись величественные темные сосны. Густой кустарник оделся почти сплошь белым покрывалом. Слегка морозило. Стояла тишина, лишь в распадке еще журчал ручей.

Лес поредел, сменился на лиственный с полосками и островками кустарника. На снегу, то и дело, встречались следы птиц и мышей, реже попадались на глаза парные цепочки следов ко-

Зимний сон

лонка. Вдоль ручья, петляла старая звериная тропа. На ней четко вырисовывались крупные слегка продолговатые отпечатки лап медведя и поменьше – от копыт лося.

Судя по следу, оба зверя шли шагом, причем лось прошел раньше. Через километра полтора в чаще на истоптанном и окровавленном снегу виднелись клочья шерсти. В стороне под деревом валялась растерзанная туша лося. Было видно, как медведь подкрался к лежащему лосю из-за вывороченного комля дерева и одним прыжком навалился на него.

Но зверь ушел от добычи, спугнутый кем-то, дожидаясь удобного момента, чтобы возвратиться к добыче и насладится своей кровавой трапезой.

* * *

Ночью пошел снег. Он лепил крупными хлопьями, устлая землю пушистым ковром. Ветра не было, и снег падал отвесно и так густо, что казалось, будто сплошная кисейная завеса опустилась с небес на землю. За полночь снег перестал, засверкали звезды, луна – круглая, яркая – удивленно оглядывала наряженную в свадебный наряд землю.

* * *

Часов в девять-десять вечера я вышел из сторожки и невольно обратил внимание на небо. Вследствие ли особенной чистоты воздуха или каких-либо других причин звезды по величине и яркости лучей казались крупнее, и от этого на небе было светлее, чем на земле. Контуры деревьев и остроконечные вершины елей были видны отчетливо, ясно, зато внизу все утопало во тьме. Неясные, почти неуловимые ухом звуки наполняли сонный воздух. Шум от полета ночной птицы, падения снега с ветви на ветку, шелест колеблемой легким дуновением слабого ветерка засохшей былинки – все это вместе не могло нарушить тишины, царившей в природе.

* * *

Заснеженная тайга как бы вздремнула в тихом безветрии, задумалась перед долгой зимой. Не было еще крепких морозов и буйных метелей. Переход от осени к зиме был мягкий, незаметный. Выпала небольшая пороша, и земля, и кусты, деревья покрылись пушистым снегом. Все светилось белизной и свежестью. В тайге стало светлее, просторней и уютнее. Четко видны на снегу следы зверей – их визитные карточки.

* * *

Самая пора зимобора – битвы Ярилы со Студилой. Днем хозяйничают яркие весенние лучи, в сумерках выбирается из темных углов зима и с новой силой принимается за свое – студить, давить и губить. Всю ночь разгуливает мороз, заломив шапку. А на рассвете – наст. Так и тянется пока: днем весна, ночью зима.

* * *

За поймой реки дорога снова вывела на открытое болото. Метель уже всюю завывала, заметая хвостом дорогу. Стало совсем темно, и впереди не было видно ничего.

Первая звезда засияла среди голых березовых ветвей. Так тихо вокруг, что начинаешь сомневаться: может, я оглох? Провел рукавицей по коре дерева – звук шершавый и громкий. Значит, просто безмолвие, словно в безвоздушном пространстве.

Вдруг в отдалении, в соснах, раздался негромкий шорох. Замер, весь подался в ту сторону. Донеслось, будто кто ворохнулся, будто сухие сучки посыпались вниз. Далековато, но я воспринимаю эти шорохи наверняка. Значит, прилетел глухарь. Вскоре, один за другим, засек еще три подсада, в разных сторонах сосняка. Они изредка переговаривались в тишине. Как они слышали друг друга на таком расстоянии!

* * *

Январская оттепель была такой сильной, что казалось, зимы больше не будет. Низкие иссиня – серые тучи цеплялись за вершины елей. Снег уплотнился и просел. Вокруг деревьев и на буграх появились темные проталины. Временами шел дождь то морозящий, то какой-то странный, редкие капли которого, крупные, как горошины, стучали по веткам, решетили снег и создавали такой шум, что почти невозможно было расслышать даже тяжелые шаги лося, уходящего в глубь леса.

* * *

Плыло ослепительно-белое, безмолвное покрывало реки, надвигались и отступали торосы голубого толстого льда. Слева над берегом низкое красное солнце катилось по вершинам мохнатых кедров вслед за санями.

Километров через пять зимник свернул с реки в тайгу. Между стенами деревьев было чуть-чуть теплее. Дорога пошла почти неезженная. Мерин отдыхал, шагая с опущенной головой, сани бесшумно плыли в морозной тишине.

* * *

Заря в морозном мареве еще только начинала скользить по макушкам елей. От вересковых кустов ползли, укорачиваясь, голубоватые тени. Внизу лениво курился родник, лаская и тут же леденя своим дыханием, склонившуюся иву. Стайка пичуг, едва различимых в полумраке, с размаху ударились о ее ветви, они закачались, и капельки-льдинки стали биться друг о друга и звенеть хрустальным, чуть слышным звоном.

Ночь растаяла.

* * *

Предвесенняя тайга казалась мертвой в это ясное морозное утро. Снег, ледяные стволы, застоявшийся сумрак окружили нас. Часа через четыре трудного пути тайга неожиданно расступилась, и мы вышли на удивительное своей суровой

красотой место. На большой поляне, прямо над рекой, стояли низкая избушка с дверцей в половину человеческого роста и крепкий лабаз, а сама река словно кончалась здесь.

Дальше, на много километров, раскинулось ровное белое пространство. В центре этого, затянутого льдом, разлива горел в лучах багрового заходящего солнца круглый, метров триста в поперечнике, сосновый остров. Видны были рыжие стволы и светло-зеленые кроны крупных деревьев. Какая безудержная вольность разлилась в этом, почти не обжитом людьми, месте.

МГНОВЕНЬЕ, ТЫ ПРЕКРАСНО!

Короткий декабрьский день. Стою с фотоаппаратом, прислонившись спиной к старой сосне. Передо мною узкая и длинная сенокосная поляна, широким прогалом проходящая через лесное урочище. До меня слабо доносятся голоса каких-то пичужек. Но внимание предельно обострено: прислушиваюсь к каждому звуку, к каждому шороху.

Место мне знакомое. Здесь я видел лося вот и сейчас передо мной следы лесного великана – сохатого. Волнуюсь в ожидании – зверь может появиться а любую минуту.

Солнце медленно преодолело зенит, удлинняя тени островерхих елей.

Легкий шорох, похожий на порхание, заставляет отвлечься и осторожно повернуть голову. На прогалине, метрах в двадцати, на тонких ветвях раскидистого кустарника раскачиваются яркие оранжевые шары, словно апельсины на рождественской елке. Через несколько мгновений шары срываются, и не падают, а низко проносятся над лесной поляной. Это летит стайка красногрудых снегирей. Птицы ищут место для спокойного времяпрепровождения. Провожая их взглядом, пока они те теряются из вида. Расставшись со снегирями опять стою словно замороженный. Медленно перевожу взгляд на кустик, где только что сидели птички. Рядом на опушке, словно на постаменте, стоит внезапно появившийся из леса лось. Он стоит на переливающемся фоне снежной белизны. Вскинув увенчанную ветвистыми рогами голову, великан-красавец водит ушами, подергивает ноздрями, чутко прислушиваясь к лесным звукам.

Направляю фотоаппарат в его сторону, беру сохатого в объектив крупным планом. Задержав дыхание, дрожащей то ли от волнения, то ли от холода, рукой, нажимаю спуск.

Раздается чуть слышный щелчок, прогремевший в тишине выстрелом. Сохатый вздрогнул, резко присел на задние ноги и одним мощным прыжком скрылся в лесных зарослях, оставляя за собой громадное снежное облако.

Лесной великан

Замерзший, но очень довольный, постепенно прихожу в себя. Пора домой. Какой прекрасный кадр. Действительно: остановись мгновение – ты прекрасно!

* * *

Лисица вдруг подняла голову, повернулась в мою сторону. Замерла. И, видно, приняв меня за пень, которых тут было превеликое множество, спокойно перебежала на другое место. Порылась в листве, выпрямилась и снова глянула на меня. Сижусь, не шевелюсь.

Рыжая кумушка, как ни в чем не бывало, принялась за работу. До нее совсем недалеко. Ноги у меня затекли, фотоаппарат – не достать.

Патрикеевна перекусила очередной полевкой и не спеша побежала прямо на меня. Наконец умудряюсь достать фотоаппарат. Слежу за ней через видеоискатель, навожу на фокус.

Снимаю. Затвор громко щелкает. Лисица удивленно останавливается, подпрыгивает высоко вверх, перемахнув через сваленное дерево, стремглав исчезает в сосновом молодняке.

* * *

В хорошо подготовленную, удобную засидку забираемся еще затемно. Пока устраиваемся под прикрытием крупных камней, светает. Постепенно проясняются очертания гор. Из-за их вершин постепенно выплывает солнце. И ... прямо на одном из возвышений, на крупном обломке скалы, картинно, словно на специальном постаменте, стоит красавец тур. Ниже пасутся две самки и три молоденьких козленка, ростом почти такие же, как их матери. Гордо подняв голову и откинув назад рога, чутко в вышине стоит вожак, охраняющий свое стадо.

Отчетливо видно каждое животное, но внимание привлекает только вожак – его поза, стройное сложение, мощные мышцы и отливающаяся в лучах утреннего солнца шерсть.

Боковым зрением вижу, как по узкому карнизу крутого склона скалы в направлении семьи туров осторожно трусит

матерый волк. Незаметным достигнув небольшую площадку, он останавливается и садится, задравверху голову. Не дыша, осторожно, достаю фотоаппарат с телевиком. Навожу камеру. Над ущельем разносится протяжный вой, и сразу же, где-то за стадом, с другой стороны гряды, отвечают ему несколько голосов стаи.

Ситуация становилась опасной для туров, а меня завораживает. Туры перестают пастись и настороженно стоят, собравшись в одну группу. Их стало больше – появилась еще одна самка и второй красавец-рогач. Стадо замерло в ожидании сигнала вожака. Никаких признаков беспокойства или паники.

Наскоро делаю несколько кадров – иначе будет поздно. Потом хватаюсь за ружье и стреляю в волка. Серый хищник падает и скатывается вниз под уклон.

Легким прыжком вожак стада слетает с камня и устремляется в сторону ближайших скал, за ним уходит и стадо, соблюдая интервалы. Туры ускоряют бег и красивыми прыжками легко взбираются по уступам скалы вверх. Животные бегут быстро, но без паники, растянувшись цепочкой по крутому, почти вертикальному, склону, едва касаясь ногами невидимой нам звериной тропы. На фоне отвесных скал кажется, что стадо плывет по воздуху. Вскоре они скрываются за спасительными вершинами.

Мы, зачарованные и довольные, еще долго смотрим им вслед. Затем, возвращаемся назад, домой.

Завтра предстоит новая вылазка за новыми кадрами.

* * *

Сиреневый рассвет разогнал тьму, сумерки отступили в глубину болот в лес. Сижу в шалаше, хорошо замаскированном, не пугающем болотной дичи.

Уже четко читаются на фоне порозовевшего горизонта силуэты чучел и подсадной утки, но для съемок еще очень темно.

С вечера погода резко переменилась, обещая на завтра тепло и ясное солнце. В невидимой пока вышине слышен по-

свист утиных стай. Идет массовый пролет уток – летят кряковые, связы, шилохвостики, чарки, нырки, лысухи. Поддали голос журавли.

В белесом сумраке растворились звезды. С шумом, совсем рядом с моим шалашом, опустилась пара связей, к ним под села пара кряковых, потом еще кто-то, еще. В весеннем хороводе вокруг подсадной утки оказалась целая стая диких уток. Несколько раз слышал голоса гусей, а одна большая стая, гогоча, прошла над самым шалашом.

Из-за горизонта медленно поднималось багрово-красное солнце. Долгое время около подсадной утки плавали, гоняясь друг за другом, селезни. Как страстно они переговаривались с соблазнительницей, как свирепо шипели друг на друга. Но по отношению к подсадной женихи вели себя деликатно.

Солнце поднимается все выше и выше. И утка моя стала разговорчивой – подавала голос даже пролетающим другим птицам. Возможно, это была реакция на пассивность плавающих около нее ухажеров. Вот она снова крякнула, задрав голову в небо, и к ней, с шумным шварканьем, снизился очередной селезень. Он сделал круг над шалашом, потом второй, точно не доверяя своим глазам и большой компании, и сел в отдалении.

Не оставались равнодушными к призыву моей утки и другие селезни, плавающие вместе со своими дикими подружками за шалашом. Но стоило только им проявить повышенный интерес к подсадной, как подруги, коротко, но требовательно давали понять, что это им не нравится.

Приводнились еще с десяток шилохвостей, и один из селезней так заинтересовался компанией у шалаша, что бросил своих сородичей и подплыл ко мне. Может быть, ему захотелось позировать перед фотокамерой. Сделал снимок. Все спокойно. И я, забыв всякую осторожность, стал снимать, как говорится, направо и налево.

Не передать словами, что чувствуешь, когда невидимый для уток сидишь в шалаше. Передо мной уходящая вдаль, к темному лесу, водная гладь, покрытая ковром, сотканным из солнечных лучей, и на ней стаи красивых птиц.

... Первое легкое дуновение ветра тронуло зеркальную гладь воды, и по ней побежали солнечные зайчики. Селезни, больше часа не покидавшие мою подсадную утку, разом испуганно поднялись и улетели.

Я посидел еще немного и стал собираться, укладывая свои нехитрые пожитки.

Тихо скользит лодка по уже чистой воде. На водных полянах среди кустов тальника то и дело играет рыба, от нее бегут по воде, постепенно затихая, мелкие волны.

Соскучившееся по работе солнце во всю мощь льет потоки лучей на беспредельное водное зеркало, свет, многократно отражаясь, заполняет нестерпимо ярким сиянием всю округу. Настоящий праздник света, праздник солнца!

Радуясь за себя, что подсмотрел в природе и запечатлел на пленке редкие кадры, и за отличное солнечное утро, довольный возвращаюсь домой.

* * *

Машина пылит среди солончаков, бурых трав и сухого тростника. Вокруг одна степь на сколько хватит глаз. Водитель Иван обращает мое внимание:

- Смотри, джейраны!

Теперь и я их увидел. До них было далековато, метров триста, и они убегали от нас. Расстояние все увеличивалось. Фотографировать не имело смысла, даже телевик не сможет достаточно приблизить для съемки этих грациозных животных. Но мы не теряем надежды.

Джейраны летели над степью и все удалялись и удалялись. Хотя еще отчетливо виднелись белые пятна в области хвостов – так называемые «зеркала». По ним мы посчитали – семь особей. Отбежав на безопасное расстояние, джейраны остановились, настороженно смотрели в нашу сторону.

Иван дал газ, и мы стали приближаться к ним на большой скорости – думали догоним. Куда там! Животные, размахивая черными хвостиками, взрывая копытцами фонтанчики

пыли, и убедившись, что мы не оставляем их в покое, быстро удалились.

Неудачную погоню прекратили и поехали в сторону зарослей черного саксаула. Вдруг Иван резко затормозил. Впереди, метрах в пятидесяти, через дорогу переходила пара джейранов. Они видели нас, но не проявили ни малейшего интереса или испуга. Посмотрели, постояли, словно позируя. Мне удалось выхватить камеру и сделать пару снимков. Джейраны словно этого и ждали, после нескольких щелчков фотоаппарата невозмутимо пошли дальше.

К сведению читателя, джейрана называют персидской чернотрострой газелью. Их красоту воспевали многие поэты Востока. Некогда многочисленные стада этих красивых и грациозных животных обитали по всей Центральной и Средней Азии. Теперь, с распадом Союза, охоты на джейрана не стало, так как ареал их обитания остался на территории бывших республик, а теперь независимых государств.

Мы не спеша, последовали за этой парочкой. Наша машина их не пугала и мы стали внимательно рассматривать их. Какое же это изящное творение природы! А какие у них красивые глаза. Они у джейранов бархатные, удивительно выразительные. Не надо быть художником или поэтом, чтобы видеть красоту.

Подъехали поближе. Появилась возможность опять поснимать. Но джейраны все же немного встревожились. Я подготовил фотоаппарат и решил подойти к ним ближе. Вышел из машины, и стал осторожно приближаться к животным. Но джейранам это не понравилось и они убежали!

... Опять наматываем километры по солончакам. Вот вновь удача: заметили одинокого джейрана под кустом саксаула. Он спокойно лежал и внимательно наблюдал за тем, как мы подъезжали к нему, когда между нами осталось метров двадцать, джейран поднялся и, как-то нехотя, отошел в сторону, словно давая мне время изготавиться к съемке.

Животное постоянно-постояло, а затем засемило в камышовые заросли, где к нему присоединилась подруга. В три прыжка, я не веря в свою удачу, преодолел это расстояние. Навел аппарат и запечатлел красивую пару, которая так же спокойно направилась к озерам.

... Опять катим по накатанной колее вслед за джейранами в сторону озер, проезжая густые заросли тамариска. Здесь хорошие места для зверей и птиц. Абсолютно все хищные представители здешней фауны: волки, шакалы, лисы, камышовые коты, беркуты обитают в этих зарослях. И все они враги джейранов. Мне удалось сделать несколько удачных, как мне показалось, кадров с этими великолепными животными.

Через некоторое время стало темнеть. Мы возвращаемся назад прежней дорогой. Навстречу попадаются джейраны небольшими группами. Они идут на водопой. Жаль, что для съемки не хватает света. До скорой встречи, джейраны. Мы еще встретимся. Обязательно встретимся.

Удивленные джейраны, словно слышали меня. Они останавливались и долго смотрели вслед удаляющейся машине.

* * *

Вторая половина пути оказалась ничуть не легче первой – дорога к заповедному местечку пролегла по болоту и вымотала нас до предела. Но вот, наконец, под ногами стало тверже, сосны, вроде бы, подросли, стали выше и гуще. Еще немного, и Кирилыч остановился. На его памяти в этих местах всегда пели петухи.

Стала заниматься заря. Я начал различать отдельные деревья, кустарники. Робко чиркнула какая-то пичужка и тут же, словно убоявшись ранней поры, умолкла.

- Не слышно что-то, - сказал Кирилыч, - пойдем дальше.

Осторожно, останавливаясь каждый десяток шагов, продвинулись от болота в глубь леса.

В белесом полумраке невидимый, с хорканьем, протянул вальдшнеп, и опять только глухо шумел дождь да крупная капель с деревьев мерно била по плащу.

- Поет! – Кирилыч поднял руку.

Донеслось робкое, приглушенное щелканье, и опять тишина. То ли мы помешали, то ли дождь мешал, но ничего больше не было слышно.

Потом опять началось робкое щелканье, и снова длительная пауза.

- Осторожничает, - шепчет Кирилыч.

Наконец, после щелканья – короткое скрежетание, словно косу кто-то точит:

«Вчижи, вчижи».

В брачную пору и птица, и зверь теряют обычную осторожность, и этим бесчестно и самым бессовестным образом пользуется человек. Чтобы обмануть селезня, охотник высаживает около шалаша подсадную? Болтливую домашнюю утку, и на ее призывный клич прилетает дикий селезень; вальдшнеп на вечерней заре и в утренней полутьме с хорканьем облетает мелколесья в поисках подруги, и здесь его встречает охотник; тетерева на облюбованных полянах устраивают турнирные поединки, и тут в шалаше их ждет человек с ружьем.

Вот и глухари – осторожнейшая из птиц, всего на какие-то мгновения теряющая на току слух, но и этого оказывается достаточно охотнику, чтобы прыжками, по два-три шага, подойти на выстрел.

Но сегодня я с фотоаппаратом, моим удачным трофеем, если повезет, будет редкий кадр диковинной птицы. Все наготове, все налажено и все заряжено. Минуты томления, минуты, которых ждешь подолгу, иногда – годами. И вот это скоро случится. Волнение нарастает.

Осторожно снимаю с плеча аппарат, ждем с Кириличем песню глухаря. Наконец-то красавец защелкал, но опять не точит. Мы ждем.

Надо же! Защелкал. Пошла полная песня, вторая, третья. Теперь и мы двинулись. Делаю один, редко два шага – тяжело идти по кочкам. Идем осторожно. Одно неловкое движение и птица с шумом сорвется с тока и улетит.

Но глухарь продолжает пение. В это время делаю несколько шажков вперед, в сторону певца. Птица замолкла, а я остался на одной ноге в неудобном месте – даже рукой не за что ухватиться.

Певец после щелканья и перед точением какую-то долю секунды прислушивался, а я опередил события. Это так же опасно, как и опоздать с прыжком.

Продолжаю стоять в неудобной позе, боюсь пошевелиться – глухарь где-то недалеко внимательно смотрел и слушал. Окаменели даже руки. Петух молчит. Сил больше не было. Кажется, все пропало, осталось единственное желание выпрямиться, нога уже сама по себе стала опускаться и... раздалась долгожданная песня.

Выпрямившись, снова делаю несколько прыжков под прикрытие небольшой елки. Выглядываю из-под нависших мохнатых ветвей.

Наконец-таки! Вот она, гордая птица на большой ветви стройной сосны, с распущенным веером хвостом и вытянутой головой. Опустился на колени и, забыв обо всем на свете, в том числе и фотоаппарате, слушаю страстную песню.

Когда глухарь стал проявлять беспокойство и, как показалось, собрался улететь, замороженность момента пропала, и я привычно поднял фотокамеру и в скоростном режиме сделал несколько кадров.

Птица с удивлением смотрит в мою сторону, затем с шумом срывается и летит прочь от страшного места, ломая на своем пути сухие ветки.

Не трогаясь с места, посмотрел на табло аппарата – схвачено четыре кадра. И каких кадров! Но стоило поднять глаза вновь и посмотреть на то место, где только что творилось чудодейство, как стройная сосна, ранее украшенная певцом, потерялась, стала таким же деревом, как и ее соседки.

Подошел Кирилыч. Выбрали местечко посуше, сели отдохнуть. Закурили... Я пребывал под большим впечатлением, еще не совсем осознавая, какие сделал бесценные кадры. Наконец вышел из оцепенения.

- Рассвело, - приходя в себя, начал я, – может, попробовать подойти еще к одному, чтобы сфотографировать?

- Не успеем. В такую погоду петухи раньше кончают петь.

Над нами с грустным «хор-хор» протянул вальдшнеп. Мы подняли головы, провожая его взглядами.

Отправились обратно...

Недалеко от края болота на фоне желтых камышей и низкорослых сосен стоял лось. Он посмотрел на нас и с достоинством, не спеша, позволив снять себя на пленку, удалился в глубь леса.

* * *

... Ущелье, поросшее дикорастущими яблонями, шиповником, алычой, боярышником, облепихой, а выше? могучими елями, встретило меня прохладой, хотя стояла самая знойная пора лета. В этих местах, где в последнее время чаще всего приходилось бывать мне, от сильной жары и восходящих турбулентных потоков целыми днями маячили миражи: даль то покрывалась рыжеватой дымкой, то казалась голубоватым водным простором, с причудливыми островками, то вдруг совсем близко, на увалах, высохшие стебельки полыни, тамариска вытягивались в высокие фантастические растения и также внезапно исчезали, как и появлялись.

От зноя кружилась голова, кругом – ни капли воды. А здесь же, в зеленом ущелье, можно было полной грудью вдыхать

необыкновенную свежесть, насыщенную ароматом лютиков, маков и других цветов. По дну ущелья грохотала, разбрасывая сверкающие холодные брызги, речка.

Я, еще мальчишкой, горячо полюбил природу этих мест. Особенно же оценил он красоту этого края, когда, после учебы в северной столице, вернулся домой.

Разъезжая по заповедным охотничьим местам, никак не мог понять, что его больше всего очаровывает: степи ранней весной, с их ярким цветением и благоуханием огненных маков, всевозможных тюльпанов и крестовников, или поймы рек, заросшие почти непроходимыми камышами, с голубыми зеркальцами воды, где таится летом водоплавающая птица, или долины с зарослями чингиля и песчаной акации, с луговым разнотравьем, богатым медоносами. И сейчас вот, пробираясь по ущелью, дивился окружающей его красоте.

День был на исходе. Далекие вершины снежных гор сверкали в лучах заходящего солнца, а в ущелье тени сгущались, зеленые склоны с коричневыми осыпями и скалами покрывались синей завесой вечера.

Выбрав место для ночлега и оставив там нехитрый скарб, я забрался на скалу, чтобы осмотреть окрестности.

Совсем низко, вдоль ущелья, пронеслись два беркута. По склону горы быстро пробежали горные козлы. С поляны от ельников донеслись голоса перепелов: «пять-полоть». От реки шархнулись два кабана и с хрюканьем исчезли в густых зарослях.

Я внимательно осматривал дали: ельники, луга, перевал. Все вокруг дышало спокойствием. Постоял минут двадцать, любуюсь первозданной красотой скал и освещенными вершинами. Затем спустился вниз к своей стоянке.

Едва только на снежных пиках гор показались признаки рассвета, я, крепко проспавший всю ночь на ворохе сухой травы, уже был на ногах. Умывшись холодной водой и позавтракав, я поднялся наверх, на скалу.

Еще кадр?

К тому времени стало совсем светло, только русло речки кое-где таилось под хлопьями голубоватого тумана.

Стал просматривать в бинокль перевал. И вдруг увидел крупное животное. Высоко подняв голову, зверь медленно шагал по кромке осыпи, направляясь в густой кустарник. Вслед за первым зверем из-за серой скалы показался второй.

Маралы! Ценнейшее животное – один из видов благородных оленей. Специальное указание есть об их охране. Удивительное лекарство готовят из их рогов – пантокрин.

Незаметным медленным движением достаю из футляра фотоаппарат, взвожу его. Все готово.

Марал, шедший впереди, приблизился к кустам и вдруг замер. Другой тоже мгновенно остановился.

Животные, вытянув морды в мою сторону, ноздрями втягивали воздух, стараясь уловить опасность. Была, не была. Делаю два снимка. Удачно. Маралы даже не почувствовали присутствия человека и не услышали щелчка затвора – ветер был в мою сторону. Но вот ветер внезапно поменял направление. Один из маралов почуял что-то неладное, и звери немедленно исчезли.

Вновь брожу в поисках интересных кадров до самого вечера.

Над далекими вершинами гор розоватые стайки облаков превратились в фиолетовые, затем в зеленоватые и, наконец, померкли. Над ущельем замерцали звезды. У яркого костра ночь казалась непроглядной. Торжественную картину нарушала только неутолимая речка, шумно перебрасывающая воду горных ледников в степь, страдающую от жажды.

Ранним утром я вновь поднялся в горы.

Когда подошел к тому месту, где накануне встретил маралов, животные снова мирно паслись на альпийском лугу. Снимай – не хочу! Притаившись за кустом, долго наблюдал за зверями, стараясь все получше запомнить, чтобы потом воспроизвести их на бумаге или холсте.

* * *

Птичьи базары – сказочный оазис в полярном бассейне. Из пернатого поселения этих оазисов тупики – одна из экзотических достопримечательностей шпицбергенской фауны.

Мы с приятелем направляемся в колонию тупиков. Недалеко от нее – небольшой шалаш-домик. Это временное рабочее место для наблюдения за миром, расположенным с той стороны шалаша. Заходим в домик. В таком убежище обеспечен круговой обзор. Через щели-глазницы, расположенные на всех стенах домика, можно наблюдать и фотографировать, не беспокоя птичье племя и не выдавая своего присутствия.

Тупиков часто называют морскими попугаями. У них необычная, своеобразная внешность: белое брюшко, черная спинка и крылья, почти вертикальная посадка тела. Тупик необычайно обаятелен. Яркая окраска клюва, в которой чередуются красные, желтые и серые цвета, в сочетании с пепельными щеками, черной манишкой, белым низом тела и красными ножками делают птицу празднично нарядной. Особую важность этому морскому попугаю придает массивный ярко-оранжевый, сплюснутый с боков клюв.

Клюв – основное орудие производства. Им он и роет норы, и ловит рыбу, и защищается.

...Сидим с приятелем за выступом и наблюдаем. Сидим тихо, не шевелимся, замерли, словно каменные изваяния.

Но вот тупик вынырнул из-под нагромождений больших белесых камней и, перескочив на соседний гранитный валун, замер на месте. Но не надолго. Поводя круглой головой, он как бы чутко прислушался, осмотрелся: нет ли поблизости опасности? Убедившись, что ему ничего не грозит, нет вражеского нападения, птица юркнула в подземелье и принялась за строительство своего дома. Часто-часто работая лапками, тупик углубляет ход. Из горловины норы непрерывной черной струей вылетает мелкий торф и рассыпаясь веером, стелется вокруг входа.

Затаив дыхание, наблюдаем за птицей - тружеником. Воспользовались тем, что тупик работает в норке, стали разминать затекшие ноги, руки и поясницы.

Но интенсивное рытье норы вскоре закончилось. Как только перестал вылетать веером торф, мы затихли за выступом и вновь стали наблюдать за тупиком. Из углубления высунулся топоробразный клюв птицы. Тупик затаился и уже потом, сделав изготровку, оттолкнулся и, подпрыгнув, оказался на соседнем гладком валуне. Потом из дыры выглянула его подруга. И таким же манером, повторяя те же жесты и движения, что и хозяин подземного жилища, самочка, вспорхнув, подседа к своему другу. Супруги попеременно начали делать разминку, то и дело встряхиваясь, расправляя короткие острые крылья.

Эти крылья позволяют им не только быстро летать, но с достаточной скоростью плыть под водой в погоне за добычей, часто спасаться от преследующих поморников.

... Закончив прихорашивание, пара одновременно, будто по команде, сделав присядку, взмыла в воздух и понеслась к побережью. А море шумит. Еще совсем недавно оно было величественно и спокойно. Дикая красота океанского простора поражала захватывающим размахом, а сейчас оно грозно разбушевалось. Громады волн, неустанно и свирепо набегая одна за другой, с оглушительным шумом разбиваются о берег. Пена и брызги взлетают над скалами. Шум прибоя и свист ветра заглушают истошные крики морских птиц. Наши тупики не обращают внимания на разгневанную природу. Они невозмутимо занимаются своим важным птичьим делом. Полярное лето короткое, тут дорож каждый час.

Но вот мы потеряли их из виду и сразу же переключаем свое внимание на других тупиков.

Морские попугаи располагаются колониями, занимающими большие территории, достигающие нескольких гектаров. Лазы норы в торфяниках ежегодно расчищаются, поэтому на поверхности жилой колонии скапливается много свежих выбросов. С

годами все это разрушается, отваливается. Тупики покидают старое гнездовье и селятся на новых участках. В таких местах мы как раз и были в разгар новоселья.

...Наконец вернулись наши тупики и продолжили поочередно заниматься строительством жилья. Самец со всей серьезностью важно направляется за сухой прошлогодней травой. Оглядевшись, захватил своим могучим клювом пучок былинки и стал вырывать их из земли. Затем с полным клювом направился к своему жилью.

Вернувшись к выходу, тупик согнул голову, чтобы не зацепиться за края норы, стал осторожно пробираться в глубь своего жилища. Вскоре он вышел наружу налегке и семенящей походкой зашагал к зарослям травы, чтобы нащипать новую охапку травы. Таким образом тупик сделал четыре захода, а мы с интересом наблюдали эту забавную картину. Я успел сделать несколько набросков, а когда принялся за еще один, то не успел начать, как начался массовый отлет птиц на кормежку. Водоплавающие, покидая колонию, целыми стаями поднимались и улетали на море. Это тоже довольно интересное зрелище. Достаю фотоаппарат с телевиком, делаю несколько снимков. В это время в бухтах, на воде темными пятнами выделяются тысячные пестрые стаи тупиков, которые вылавливают подошедшую к берегу мелкую рыбу – песчанку и мойву. Делают это они виртуозно и легко. Каждый раз тупик полностью набивает свой тупоносый клюв дарами моря, чтобы не терять времени на полупустые полеты от воды к гнезду, он сберегает силы, делая полногрузными рейсы с кормом, сокращает число перелетов до минимума.

Наш тупик – объект особого внимания – сделал уже несколько «рейсов» за рыбой в море и обратно к своей норе. Отдает рыбу птенцам, сидящим в норе, и вновь спешит за следующей порцией. В общем, видим – много хлопот у тупиков со своими детьми. Впрочем, как и у всех заботливых родителей. Почти все полярное лето детеныши беззаботно сидят в отчих гнездах

и не торопятся покидать его. Птицы усердно воспитывают, сытно кормят свое потомство и бдительно охраняют вход в норы от чужого посягательства.

Перекусили на скорую руку, перезарядили фотоаппараты, продолжаем наблюдать. В это время вышла наружу самочка. Наш герой, это надо видеть, вежливо и учтиво подбегает на ярко-красных лапках к своей подруге и, вытянув шею, нежно щечочет своим рубиновым клювом ее клюв.

Она изредка отвечает ему – ласково поглаживает расписным клювом его клюв, показывая тем самым образец взаимной отзывчивости и любви...

Наконец закончилось время кормежки. Тупики шумными стаями, словно по установленному кем-то распорядку, возвращаются с моря к своим гнездовьям. Передохнув, тупики возвращаются к своим основным обязанностям: роют норы, таскают траву, сторожат входы. Жизнь в этой колонии морских тупиков продолжается... А мы снимаемся с уютного местечка и перекочевываем на другую сторону большой скалы. Стараемся делать это осторожно. Но куда там! Птицы близлежащих гнезд и норок снимаются с земли поднимаясь в воздух. Отлетают недалеко. Как только мы проходим, они возвращаются к своим гнездовьям. Следующие поднимаются... И так до тех пор, пока мы не пришли к намеченной стоянке для своих наблюдений.

... Птичий базар в извечной суете и гомоне занят своим хлопотливым делом. И ему нет никакого дела до нас, нашего присутствия – птицы не пуганные и не боятся человека.

Но вдруг что-то встревожило пернатый мир: птицы взвились в воздух и затмили небо. Невероятно! Поднялся оглушительный гам. Такое ощущение, что мы попали в машинное отделение невероятно большого корабля. Я не слышу своего приятеля. А он меня. Объясняем жестами.

Оказывается, что виновник паники, оголтелый хищник, крупная чайка-бургомистр. Она хотела своровать яйцо, но у нее ничего не получилось. Птицы-сторожа подняли тревогу на сво-

ем птичьим языке, понятном всему птичьему базару. Дружная колония расправляется с непрошеным гостем, сбивает его, он падает в ущелье. Жители птичьего царства устремляются за обидчиком, они ожесточенно бьют и щиплют своего врага, от чайки во все стороны летят пух и перья.

Постепенно пернатый народ утомился. Наступает затишье: неприятель получил по заслугам. Восстановилась та мирная нешумная обстановка, которая была совсем недавно на птичьем базаре.

Все это время я фотографировал недавний шумный эпизод и в душе остался доволен тем, что успел заснять все, только что происходившее.

... Побывав в шумном мире птиц, возвращаемся в лагерь. И вовремя! Приливный вал неудержимо катится на берег. Мы ускоряем шаг по небольшой полоске галечника. И только преодолели ее, как она оказалась под водой. Теперь морская волна бьется у наших ног. Но нам уже все нипочем – берег позади. Впереди палатка, отдых, чай.

ДИКАЯ ПРИРОДА

56

РЫСЬ

Охотятся на рысь по-разному: с собаками, подманиванием, стрельбой из засады.

И, конечно, охота с собаками – самая популярная и распространенная. Обычно охотятся со стаей не менее двух-трех собак. Таких собак, как правило, специально натаскивают по рыси, терпеливо отучая от преследования другой дичи. Стая сработанных собак ценится очень высоко, а их владельцы известны по всей округе, а то и за ее пределами.

Задача собак на охоте – поднять зверя с лежки и остановить, задержать, до подхода охотника. Рысь собаки, как правило, загоняют на дерево. В схватке ценятся азартные, вязкие собаки, хватками заставляющие остановиться зверя или забраться на дерево. При этом они не должны проявлять безрассудной смелости и не подставлять себя под смертельный удар противника. Особенно нужны собаки при доборе подранка, когда зверь становится особенно опасным.

Другой распространенный способ – подманивание рыси. Для этого используют манки, которые имитируют крик раненого зайца, писк мыши, призывные звуки олененка и прочее. Охотятся с манками обычно в сумерках, когда зверь наиболее активен.

Караулят рысь на местах переходов, у водопоя и у привады. К приваде обычно подбираются бесшумно. Стрелять приходится в этом случае быстро и на коротком расстоянии, рассчитывая на то, что охотник первым увидит животное.

* * *

Около невысокой горы, у старого кедровника, виднеется след. Крупный, размашистый. Это рысь. Зверь бежал уверенно. У ствола сломленного кедра остановился и резко прыгнул к заваленной снегом кедровой вершине, где темнела неглубокая ямка. В ней дневал зайчишка. Беляк, видно, не растерялся – вон

куда прыгнул, далеко от дерева. Развернулся и кинулся к маленьким пихточкам. На длинных махах помчался в сторону болота. Рысь гналась за ним до самых высоких кочек, где уже было много свежих и старых заячьих следов. Здесь она приостановилась, пробежала еще полукруг и, видимо, запуталась в их голололке, а может быть, устала – снег-то глубокий. Немного постояла, потопталась у обгорелого пенька и побежала вдоль склона горы.

Вообще-то рысь ведет сумрачный образ жизни. Осторожна и пуглива. Держится в одиночку, за исключением самки с котятами, которые остаются с ней до года, даже несколько больше.

Нашу же знакомую брюхо подвело: голод - не тетка – вот и вышла она на охоту днем.

* * *

Судьба столкнула меня с живым охотником на рысь - Пеленицыным Алексеем Николаевичем. Находясь в длительной командировке на Урале в городе Златоуст с ним я познакомился при самых обычных обстоятельствах – по делам службы.

Пеленицын – крепко сбитый человек лет сорока пяти, с живыми пытливыми глазами, полностью соответствовал стереотипу охотника на хищников. Это был человек сильного духа, смелый, волевой и выносливый; обычно немногословный и сдержанный в проявлении эмоций.

Охотником он был заядлым и отменным. И именно необузданная охотничья страсть и желание померяться силой с достойным противником толкают его снова и снова в горячку рискованного преследования и смертельной схватки с хищником.

Особенной гордостью Пеленицына были охотничьи трофеи, которые висели в его доме по стенам, лежали шкурами на полу, диване и креслах. Больше всего впечатляло великолепно сделанное чучело рыси.

В первое мое посещение квартиры охотника не мог оторвать глаз от красавицы-кошки. Увидев, что я с любопытством рассматриваю чучело – его гордость, хозяин

стал рассказывать охотничьи байки на тему охоты на рысь, ее повадок, способов охоты.

Скажу заранее, что это было довольно забавно и интересно, даже захватывающе.

...Было время, когда еще непроходимые, густые леса поднимались далеко чуть ли не до самых вершин Южного Урала. В этих лесах обитали кабаны, медведи, встречались рыси. В предгорьях, где редел лес, бродили олени, косули.

Когда наступала зима, снег заполнял лощины и овраги и прятал под белым покрывалом звериные тропы. Тогда благородные олени и косули спускались вниз к небольшим селениям под Златоустом. Обреченные на гибель голодные животные, спасаясь от жестоких когтей морозной зимы, искали помощи у людей. Морозы здесь знатные, а зимы снежные. Добраться в эту пору сюда можно лишь на лыжах или вездеходе.

Кроме холодной и голодной зимы, гнали косуль и рыси. За последнее время их развелось предостаточно, и они стали настоящим бедствием этих заповедных мест. Уходивших от хищников оленей встречали длинноствольными дробовиками, заряженными тяжелыми жаканами, и оставшиеся в живых звери устремлялись обратно, в объятия лютой, но все же родной, природы и в лапы хищных кошек.

Страх перед рысью заставлял косуль и других животных перекочевывать далеко от златоустовских мест. Да и не каждый охотник решался вступать в рысиные уголья. Обыкновенный страх в устах невезучих людей превращался в легенду.

Но были и смелые охотники, неутомимые ходоки и отличные стрелки. Они днем и ночью бродили по лесам и часто встречались с рысями. Однако никто из них не подстрелил из вороненых стволов дробовика эту редкую кошку – встречаясь с человеком и посмотрев в его сторону она всегда уходила в чащобу. Охотник же, в трепетном ожидании, все еще прижимая к груди ружье, облегченно вздыхал.

Все начиналось с того дня, когда в эти края, собственно в Златоуст, приехал молодой офицер, лейтенант Пеленицын.

Его нельзя было назвать бесстрашным, он не относился к числу неумолимых ходоков и не славился высокой меткостью при стрельбе – просто считался страстным охотником, и эта страсть была единственным его охотничьим достоинством.

В одно морозное февральское утро со стороны Тогоная – «Подпорка месяца», в переводе с башкирского – дул слабый и холодный ветерок, небо было серым и мрачным, и где-то там, за горой, эту серую мглу пыталось пронзить лучами слабенькое зимнее солнце.

В выходной, свободный от службы день, встав спозаранку Пеленицын обвязался двумя патронташами, взял ружье и отправился на охоту.

Накануне снежный обвал перекрыл серпантин, тянувшийся по предгорью к перевалу, и охотнику стоило немалых трудов пробраться по краю обрыва, обходя громаду снега.

За обвалом стали попадаться совсем свежие следы кабанов, косуль, другой живности.

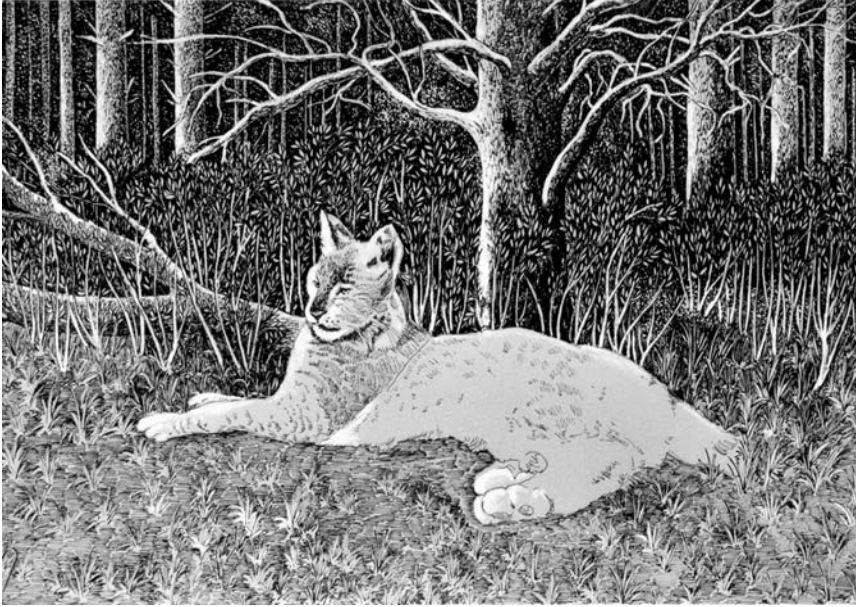
Поленицын, одержимый азартом, пошел по следам. Спустя час, несмотря на мороз и холод, вспотевший и уставший охотник увидел косуль, до которых оставалось еще довольно далеко. Вряд ли он мог бы поразить зверей с такого расстояния.

«Эх, был бы карабин», - пожалел Пеленицын и стал осторожно подбираться поближе к осторожным косулям. На мушке уже подрагивали шея и грудь самца.

Но вдруг, спинным мозгом, охотник почувствовал на себе чей-то тяжелый взгляд. Жуткое ощущение овладело им, непонятный страх и трепет охватили его. Пеленицын осторожно, без резких движений повернул голову вправо и, всмотревшись в переплетение мохнатых лап елей и ветвей дуба, увидел мохнатое существо, пристально следящее за ним, реагирующее на каждое малейшее его движение.

Это была крупная рысь.

Пеленицын медленно перевел мушку на грозного зверя. И хотя стрелять на таком расстоянии было рискованно, палец самопроизвольно нажал на спуск. Прогремели выстрелы дуплетом – один за другим.

Оглушительный, душераздирающий крик рыси, разбегающиеся козули, кровавые пятна на снегу, ушедшей в чащобу раненый зверюги – все это произошло в одно мгновение, промелькнуло перед застывшим взглядом охотника.

Стало стыдно за неудачный выстрел, азарт пропал, и поэтому решиться пойти за рысью и добить ее охотник не смог. Не хватало немножко бесстрашия, неутомимости в ходьбе и уверенности в точном выстреле.

Несмотря на рыхлый снег, колючие кусты, царапающие лицо и рвущие одежду, Пеленицын почти бегом добежал до ближайшего селения, где его ждали знакомый лесник, горячий чай и постель.

Утром он уехал в Златоуст.

* * *

Рыси было ужасно больно, она не могла ступить передней лапой на землю. Жакан, разбив кость, застрял в предплечье, и владычица лесных чащоб была вынуждена ковылять на трех

лапах. Человек, сделавший ее калекой, обрек ее на голодную медленную и мучительную смерть. Вчера она подстерегала косуль, зайцев. Сделала прыжок, но неудачно.

Сегодня днем она бросилась на маленькую косулю, а та вырвалась прямо из когтей. Удержать ее одной лапой было делом невозможным. Чтобы не умереть голодной смертью, у рыси оставался последний и довольно унижительный шанс. Она должна была питаться падалью или умереть. Умирать не хотелось.

Она хотела жить и имела на это право, а сейчас ждала ночи, холодной, как смерть, и ночь наступала.

... Утром раненая рысь, лежа на большой скале среди деревьев, зализывала свою рану. Это место было любимым лежищем зверя. Отсюда открывался хороший обзор местности и подходов. С этого места она обычно смотрела за всем происходящим, сама оставаясь невидимой и недоступной, видела косулю и кабанчиков, идущих на водопой.

Рысь пришла сюда, в этот непролазный край, еще совсем молодой, после смерти матери, убитой охотниками. Молодая кошка питалась мышами, птицами и всем, что бог послал.

Когда ей было немногим более года, она познакомилась с медведем, в яростном бою оставившим ей отметины на спине.

Вдруг до уха рыси донеслись собачий лай и ружейные выстрелы. Она немедленно вскочила на ноги и, прихрамывая, стала забираться в самую чащобу. Поскорее бы уйти. Еще немного. Скоро спасительное убежище.

Погоня вроде бы отстала, лай собак был слышен едва-едва, она успокоилась и пошла помедленней. Тут ничем не пахло и воздух был чист. Там впереди укромное местечко, где она сможет немного отдохнуть. Вот только перебраться через каменный выступ к тем кустам.

Но до кустов она не дошла. Раздался выстрел. Рысь с пробитой грудью упала на землю. Собрав последние силы, она вскочила, но вторая пуля пробила голову.

МЕДВЕДИ

Оставив на берегу лодку с рыбой, снастями и снаряжением, идем ельником, посмотреть, как говорится, что и как.

Солнце едва пробивается сквозь густой лапник. Ноги утопают в мягком зеленом мху.

Идущий впереди остановился и перевернул сапогом лежавшую на берегу рыбину. Я рассмотрел, что у большущей кеты была съедена лишь одна голова. Поодаль лежала вторая рыбина, еще дальше – третья. У них тоже были надгрызаны головы.

Мой спутник изучает следы.

- Смотри, - говорит он, - здесь медведица с медвежатами бродит. Нынче зверь не голодный – орехи и желуди есть, ягод много, рыбу плохо кушает. Когда в тайге пусто, тогда медведи на перекатах, на рыбе. Мясо совсем кушать нельзя: плохо пахнет.

Постепенно выходим из ельника в смешанный лес, которым порос крутой склон сопки, подступающей к реке. Както необычно здесь видеть кусты дикого перца, колючей лещины, барбариса. Местами рдеют красные кисти лимонника, красной и черной смородины. Впереди мелькнуло что-то темное, и тут же я услышал шепот:

- Медведи... Тсс-с-с.

Быстро скинули с плеч ружья и стали за деревьями.

По кособору шла гималайская медведица, впереди нее бежали двое медвежат. Их интересовали и привлекали все приметы: деревья, камни, кусты. Медвежата с любопытством все обнюхивали.

Вот один из них полез на наклонившееся дерево, а другой, ухватив его за заднюю лапу, стянул оттуда. Сорвавшись на землю и больно ударившись, медвежонок укусил своего братца за ухо, да так крепко, что тот заскулил. Мамаша что-то буркнула, и медвежата смирно затрусили за ней.

Безмятежной прогулке положил конец легкий ветерок, донесший к ним человеческий запах. На мгновение медведица замерла на месте. Она поднялась на задние лапы и, подста-

вив нос ветерку, несшему терпкие запахи вянущих листьев, уставилась своими маленькими глазками в нашу сторону, напряженно прислушиваясь и принюхиваясь.

Утвердившись в своих опасениях медведица громко, отрывисто рывкнула и бросилась в сторону, исчезнув в кустах. Медвежата остались на месте: они не почувствовали опасности. Они боролись между собой, катаясь по траве.

Встревоженная медведица быстро вернулась назад к детям, еще громче взревела, поддала лапой двум проказникам и, тыкая поочередно носом то одного, то другого, погнала их перед собой в спасительные заросли.

Медвежата неохотно бежали перед испуганной мамашей, прижав к голове уши. Но вот на пути попалась кучка вкусных желудей, и они с жадным чавканьем стали поедать свой любимый корм. Медведица, видя, что малыши не следуют за ней, снова подскочила к ним, схватила зубами одного за шиворот, а второму дала лапой затрещину по мягкому месту. Лес огласился жалобными воплями.

Мы с Кирилычем осторожно последовали за ними.

Если бы медведица была одна, она легко ушла бы от преследователей, но ей мешал, вернее, задерживал материнский инстинкт, который сильнее страха смерти. Она чувствовала близость людей, вся дрожала, шерсть на загривке стояла дыбом, с желтых выщербленных клыков на траву падала слюна. Маленькие подслеповатые глазки медведицы сверкали зелеными огоньками. Грозно запуская в землю длинные когти, она хотела напугать нас, и всеми силами торопилась угнать подальше своих непослушных медвежат. Волнение матери, наконец, передалось и малышам.

Словно два темных клубочка покатались они впереди медведицы, мелькая между желтых кустов, а она, сопя, бежала сзади косолапой рысцей.

Когда медведи скрылись в распадке, густо поросшем мелким осинником, мы, немного постояв и поглядев им вслед, пошли молча по раскрашенному осенью лесу назад к берегу.

РЯБЧИК И ШИПОВНИК

Рябчик уже спешил краем леса нам навстречу. Перед этим мой приятель и друг дунул в манок, и только смолк начальный переливчатый свист, как в чаще леса ему откликнулся такой же, но только живой голос, и мы отчетливо услышали приглушенное порхание. Рябчик в планирующем полете мелькнул над дорогой, и снова повторил нежный посвист, но теперь на нашей стороне и ближе, словно спрашивая: «Где ты?»

Мы разом увидели пеструю, пепельно-серую с черным пятном под горлышком, птицу, мелькавшую меж пучков увядшей лесной травы. Вот он совсем близко. Вдруг петушок замер, словно наткнулся на невидимую преграду, вытянул шейку, потом подпрыгнул, как-то забавно, подскокил, помогая себе крылышками. Когда он подпрыгнул во второй раз, мы, наконец-то, сообразили, в чем дело: внимание рябчика привлекли алые продолговатые плоды шиповника, усыпавшие небольшой кустик. С третьей попытки он ухватил клювом ягоду, проглотил ее и, как-то сразу же, потерял интерес к окружающему, нахохлился, стал вроде бы грустным.

Прошла минута. Забыв, зачем мы здесь, наблюдали за рябчиком, а он казался погруженным в свой внутренний мир. Но стоило одному из нас шевельнуться, как петушок мигом порхнул назад, через дорогу.

Что его потянуло на шиповник. Ведь вокруг столько брусники?

Мы переглянулись и рассмеялись, понимая происходящее без лишних слов.

УМНЫЕ УТКИ

Как-то раз приехали мы на охоту. Были мы с приятелем, была лодка с подвесным мотором, и был долгий путь по воде к затопленным закоряженным берегам, где мы собирались провести две зори – вечернюю и утреннюю.

Приехали мы спустя неделю после открытия охоты. Пока лодочка наша, осевшая в воде до самых бортов, трещала слабым мотором и испарывала серую рябь воды, перед нами то и дело поднимались огромные стаи уток, улетаая в ту сторону, куда мы держали путь.

Каждая стая, а их было превеликое множество, вызывала у нас ? Охотников взрывы радости и ликования, мы, возбужденно махали руками, кричали, ждали царской охоты на вечерке.

Но ни одна утка не просвистела крыльями в тускнеющем, закатном небе, ни одного выстрела мы не сделали на вечерней заре.

Взошла низкая, огромная луна, наступила ночь, и только тогда со стороны камыша, нарушив все правила вечерних перелетов, пошла утка. Небо пело от бесчисленных посвистываний утиных крыльев. Светящийся круг луны то и дело рассекали темные силуэты пролетающих над нами уток. Я стрельнул, было, в сторону луны, но ни всплеска на воде, ни удара о заболоченный берег – стрельба эта была бесполезна и по сути своей не спортивна по отношению к уткам, которые нас обманули, выйдя победительницами.

Мой приятель клялся, что в дни открытия охоты все было, как полагается: утки шли на закате со стороны камышей на берег, на поля, а утром с полей обратно, в сторону чистой воды. Тут их и стреляли. Вот и думай, что произошло. Может быть, утки поумнели и после первых выстрелов на каком-то там своем «собрании» вынесли решение летать в темноте, чтобы не попадать под выстрелы? Иначе как объяснишь, это странное их поведение.

КЕДРОВКИ

Устал. Решил отдохнуть. Прислонил ружье к дереву, сбросил рюкзак, пошевелил затекшими плечами и руками, разминаясь. Не велик, вроде бы, груз, а под ключицами и лопатками покалывает.

Окинул взглядом зеленый склон за дорогой – вот и занятие себе нашел. Взобрался по откосу вверх, и глаза разбежались: склон сплошь усыпан вызревшей, густобордовой брусникой.

Ягоды можно было бы без преувеличения грести лопатой. Только опустился на колени, как откуда-то сверху, совсем рядом, раздался резкий знакомый крик:

«Кер-р-р, кер-р-р, - сварливо проскрипела кедровка, словно хотела сказать: - Пр-ри-шел гр-ра-бить».

Это означало, что где-то поблизости птица схоронила орешки и волнуется за свое добро. Кедровок не любят за то, что они много сбивают шишек, чаще – без надобности. Бывают, придут люди по шишки, по орехи, а там уже делать нечего: все шишки сняла кедровка.

А ведь считается, что эти птицы, пожалуй, наипервейшие лесоводы – в пору созревания кедровых шишек они набивают зобы спелыми орехами, а затем прячут их в мох, под пни, под прелые листья, хвою – куда попало, якобы про запас. И смотришь, поднимается молоденький кедрик там, где самостоятельно произрасти ему было бы никак невозможно.

Шум и волнение первой кедровки привлекли внимание другой. Вот уже две птицы суетились в ветках деревьев, переговариваясь между собой по-своему и беспрестанно перелетая с места на место.

Я собирал ягоду и осторожно краем глаза наблюдал за любопытными птицами. Вдруг обе кедровки перепугано заверещали и кинулись прочь в разные стороны.

Привстаю и вижу мелькнувшую тень, напоминающую силуэт куницы – уж больно похоже смахивала она на маленькую хищницу.

Вскоре все затихло и мое внимание вновь переключилось на россыпи степной брусники.

ВАЛЬДШНЕПЫ

Часто ловлю себя на мыслях о будущей весне, если за окном зима, о приближающейся осени, если в лесах перестали петь птицы... Воображение рисует былые охоты, радость приобщения к великой первобытной страсти уносит в мечтательные поездки, которые, увы, так и остаются, в большинстве случаев, мечтами.

Любитель-охотник, соблюдающий все сроки и правила охоты обычно возвращается домой пустым. Хотя весенние вальдшнепы стайками вылетают на него, когда он с колотящимся сердцем стоит на тяге, вдыхая всей грудью сырой и прохладный воздух леса. Птицы верещат, щебечут, свистят, перелетают с березы на березу, дурманят шумом голову. Время тянется так медленно, что кажется, будто солнце, запутавшееся в сетях березовых ветвей, никогда не закатится, вальдшнепы никогда не взлетят над лесом, и, уж конечно, ни один из них не вылетит на сырую поляну, посреди которой стоит охотник возле пушистой елочки.

Но наступит время, вальдшнепы оповестят о нем сдвоенным свистом – покажутся в тускнеющем небе птицы, глубоко, как веслами, загребая крыльями прохладный воздух. Своим тройным торопящимся карканьем птица так взволнует охотника, что он с перехваченным дыханием вскинет ружье и, не помня ни правил стрельбы, ни самого себя, продублетит в пролетающую птицу и, не веря, что промахнулся, ахнет в радостном страдании, провожая взглядом вильнувшего после выстрела и спешно улетающего вальдшнепа.

Вот такая она – охота. Всего каких-то полчаса трепетного ожидания, волнения, после которого долгий путь по затихшему, темному и таинственному лесу, который то веткой хлестнет по лицу, то заведет в глубокую колдобину, по колено залитую темной водой.

Промелькнет в повседневной суете, за текучкой, весна, запылятся, когда-то нежно-изумрудные, листья деревьев, и

утихнувшие охотничьи страсти вновь подкрадутся и захватят каждого заядлого охотника, с нетерпением ждущего открытия нового сезона. Мечта большинства охотников – попасть на открытие в утиные места, пострелять перепуганных уток, мечущихся над пойменными лугами, прерывая их нервный полет негромкими на просторе, нестрашными хлопками выстрелов.

Но засидевшиеся и давно не державшие ружей любители – охотники все-таки стреляют плохо. Уток, конечно, распугают, хотя кое-кто добудет две-три утки, вызывая зависть законченных неудачников, разметавших огромное количество дрови по лугам и болотам.

* * *

Погода была пасмурная, теплая, как перед дождем. В такие вечера даже и самый никудышный вальдшнеп не удержится, обязательно потянет.

Птицы вокруг свистели, щебетали вперехлест. Знающий человек мог бы различить в этом беспорядочном хоре громкую затейливую песенку зяблика, развеселый говорок дрозда, малиновый щебет зарянки, пронзительные вскрики дятла. Каждая птаха старается на свой лад.

Медленно наплывали из глубины леса мягкие сумерки. Очертания деревьев незаметно тускнели, расплывались, и птицы смолкали одна за другой. И вот, где-то за осинником послышалось знакомое приглушенное хрипловатое:

«Хоррр, хоррр, хоррр...»

Вальдшнеп, казалось, летел, не спеша, почти касаясь верхушек осинника, изредка подавая неповторимый, напоминающий скрежет, призывный голос.

Вот он, вот, совсем уже низко...

Отчетливо видно темно-бурую, в пестрых крапинах птицу, размером чуть больше галки, с коротким хвостом и длинным

клювом. Чем-то смешна и неловка эта птица: кажется, что длинный рапириобразный клюв мешает ей лететь.

Но так уж распорядилась мать-природа: такой клюв для вальдшнепов – хороший инструмент, без которого не добыть ему в опавшей листве или земле пропитание...

...И сейчас вальдшнеп – смельчак открывает свою весеннюю навигацию.

А ведь вальдшнеп – это лесной длинноносый кулик, королевская дичь. На зиму они улетают в теплые края. Но, похоже, делают это очень неохотно: не успевают весной сойти снег, а вальдшнепы уже здесь, тут как тут. Находят кое-какие харчишки на мягких проталинах, а по вечерам и на утренних зорьках летают – тянут над лесом, высматривают своих носатых подружек. И осенью улетают перед самыми холодами, когда заморозки уже сковывают землю. Стылая почва для них страшнее всего: ведь в ней они своим длинным носом уже не могут находить червячков.

Валом откатываются из лесов вальдшнепы перед близкой стужей и появляются – высыпают – даже в пригородных рощах. Охотники это явление так и называют – «вальдшнепные высыпки».

Значит, скоро придут холода, если настало время высыпок.

ПОДРАНОК

Издалека слышались крики загонщиков. В лесной тишине казалось, что на стрелков надвигаются бесы. Они ухали, визжали, улюлюкали: загонщики старались на совесть. Крики приближались, охотники замерли и до боли в глазах вглядывались вперед, боясь пропустить зверя.

Вдруг кусты раздвинулись, показалась длинная морда лося, осторожно, с оглядкой вышедшего на просеку. Громыкнуло ружье Кирилыча, от чего у меня и водителя Ивана звенькнуло в ушах. Лось споткнулся и отпрянул в кусты.

По кустам никто стрелять не стал, боясь ранить загонщиков.

- Готов! – крикнул вдоль просеки довольный Кирилыч – он был уверен в убойности своего ружья.

На этом облава закончилась, все вышли из-за деревьев и сгруппировались вокруг Кирилыча, который смотрел на пятно крови в снегу и уже вытащил нож.

Загонщики пошли по следу и скрылись в кустах, возбужденно переговариваясь. Они хотели быстрее увидеть распростертую на снегу тушу сохатого. Кровавый след уводил все дальше. Охотники стали чесать затылки: лось уходил на махах, припадая на переднюю ногу. По всему выходило, что ранен он не смертельно и скоро не ляжет. Такой лось может уйти очень далеко, и добирать его придется не один час. Хорошо, если к вечеру успеют...

Остановились. Стали слушать. Идти черт знает куда в стылый заснеженный лес никому не хотелось, да и проголодались давно.

- Никуда он не денется, завтра мы его найдем и подберем. – Сказал Кирилыч.

- И то правильно, - с готовностью откликнулись загонщики.

Утром Кирилыч поднял всех на ноги. Напоил чаем и гуськом повел всех в лес. Охотники беспрекословно подчинялись и довольно бодро, слегка поеживаясь от мороза, семенили за бывалым охотником.

Дошли до следа, и пошли рядом, внимательно вглядываясь в кусты, где мог затаиться раненый лось, который, как известно, может с испугу броситься на человека и зашибить насмерть.

Кирилыч, держа ружье наперевес, шел впереди и каждую секунду был готов к выстрелу. В его голове мелькали картины, одна хлеще другой, связанные со свирепым раненым зверем.

Зашли далеко, а лось не показывался. Следы вели все дальше и дальше. Лось оказался выносливым и упрямым, он не хотел ложиться и умирать. Теперь шли молча и невесело. Лес вокруг, подстать настроению, был темный, мрачный, а след вел сквозь заросли молодых елочек, поваленный сушняк, в самые крепи, там, где и зайцу трудно было бы продраться.

Мужики распарились, взмокли, лица у всех были потные. Но в глазах появилась решимость – инстинкт преследования делал свое дело.

Кирилыч не торопился, он чувствовал, что лось ушел очень далеко, но он знал, что лось устал и обязательно должен лечь. За многолетнюю практику охотник хорошо изучил зверя и понимал, что никуда этому лесному великану не деться. Он зорко вглядывался в следы подранка и отмечал про себя, когда и где лось споткнулся, где приволокнул ногу, где на ходу сжевал ветку осинника. Метелки крови по следу смерзлись за ночь и клюквой темнели на снегу – зверь потерял много крови и шел медленно, прислоняясь иногда к дереву отдохнуть.

Охотники начали выдыхаться, кое-кто уже оглядывался назад, с тоской отмечая, что слишком далеко они забрались в лес, и обратно будет возвращаться еще тяжелее.

... Сохатый, невинная жертва всех неприятностей, был еще жив и упрямо, не думая о том, что преследователи его устали, двигался вперед. В голове у него мутилось, задние ноги ослабели и дрожали... Лось равнодушно брел куда-то, все более и более погружаясь в дрему и испытывая желание лечь, подогнуть под себя ноги и, опустив тяжелую голову, уснуть, как засыпают многие в лесу, кто на одну короткую зиму, а кто навечно...

13.03.2004 г.

КОСУЛИ

Козел, видимо, впервые встретил такого охотника – никакого беспокойства. Стоит, не дышит, только глаза сверкают, как два зеркальца на солнце. Он поднял копыто, цокнул о землю. Молоденькие косули повернули головы и лениво приподнялись. Старая косуля сделала два-три спокойных скачка, вытянула шею и стала хватать воздух ноздрями.

Но ветра не было, и никакой тревожный запах или шорох не дошел до нее.

Решив проверить животных, поднимаю валежину и переламываю ее. Треск пошел по склону и эхо откатилось вниз. Старая косуля спружинила на задних ногах и за несколько скачков оказалась в яме, заросшей плющом. Косули бросились к самцу, развернулись, наострили уши, взбрыкнули и уткнулись за матерью.

Козел еще выше вскинул голову, выбросил тело из мелкого кустарника и предстал во всей красе: глаза встревожены, каждая жилка на шее напряжена.

Ломаю валежину еще раз. Самец встал свечой, развернулся, вытянулся и полетел ... Только цокание копыт донеслось из распада.

Через некоторое время с дальней гривы отозвался протяжный сердитый крик. Потом второй, третий, четвертый... Я сбился со счета.

...И потянулся мой след дальше через несколько крупных распадков с листовничным молодняком. Везде чернели равные выворотки и корчи. Буреломные ветры разбили вершины деревьев, подняли корни с северной стороны, поставили торчком земляные пласты с рогатинами острых корневищ – и всюду мне еще долго мерещилась красивая голова вожака стайки быстроногих косуль.

МОЙ РЯБЧИК

Весна. Как только на прогретых местах оживают муравейники и муравьи бурой, шевелящейся массой выползают погреться на солнышке, рябчики любят, расшевелив их, принимать муравьиные ванны для освобождения от наружных паразитов.

Охота на рябчиков весной запрещена, и я, лазая по лесу с фотоаппаратом в надежде подсмотреть редкий кадр в природе, нередко натываюсь на гнезда рябчиков, устроенные на земле. С конца апреля курочки уже начинают кладку яиц, а с середины мая – насиживание их.

Хожу осторожно, всматриваясь в пожухлую прошлогоднюю траву, спиральки молодого папоротника, небольшие упавшие веточки – боюсь наступить на гнездо или просто спугнуть птицу. Насиживающая курочка совершенно неподвижна и настолько сливается с окружающим фоном, что даже зная, где расположено гнездо, разглядеть ее бывает очень трудно.

После долгих поисков неожиданно мой взгляд упирается во что-то, отдаленно напоминающее гнездо между тоненькими осинками и небольшой елочкой. Мое сердце замерло. Я и птица смотрим друг на друга. Она меня подпустила практически вплотную. Осторожно, насколько это можно, поднимаю фотоаппарат и навожу объектив на предмет моей охоты. Курочка не шевелится, словно позирует. «Красавица! Подожди, не взлетай», – шепчу про себя и нажимаю спусковую кнопку. Щелчок. Птица стремительно взлетает. Но дело сделано, кадр будет удачным. Я говорю «удачным», а он будет не просто удачным, а – редчайшим. Обнаружить гнездо рябчика удается очень редко и почти всегда случайно. Во время многочисленных своих скитаний по лесам, тайге я видел рябчика так близко считанное число раз, меньше чем пальцев на обеих руках.

Подхожу к гнезду. Что же теперь делать? Раз курочка улетела, сделаю еще кадр гнезда с кладкой.

Само гнездо – углубление в земле, тщательно устланное сухой травой, мелкими веточками, листьями и перьями с пухом. В кладке семь яиц желтовато-серого цвета с редкими бурыми пятнами и точками.

Навожу объектив на гнездо. Снимаю крупным планом. Быстро отхожу и устраиваюсь для наблюдения под раскидистым кустом. Жду возвращения курочки. Но, сколько я ни смотрел, ни всматривался – не заметил, когда птица уселась на кладку. Моргнул глазом, а она уже опять на гнезде.

Сижу дальше в ожидании чуда. И чуда долго ждать не пришлось. Где-то в ветвях, недалеко от гнезда, раздается свист рябчика-петушка. Протяжный, очень тонкий, длящийся несколько секунд. По тону он близок к пisku синиц-гаечек – недаром они на этот свист часто откликаются. Мелодичный и очень приятный для слуха, он состоит из пяти-семи коленцев: двух-трех протяжных, высоких и трех-пяти более коротких и низких, сливающихся в переливчатую трель: «тьюю - тьюю - тють - ти - ти -ти», или «тии...ти...тити -тирири - рить».

Курочка с гнезда отвечает. Ее голос ниже, немного слабее, а сам позыв короче и состоит из трех-четырех слогов, без трели: «тии - ууу - ту», или «тии - тиуююи - тии».

Долго слушал я трели замечательной пары. Но пора – надо идти. Прощайте птички. Осенью может быть встретимся, Бог даст!

... Осенью токование и активная переключка рябчиков начинаются с конца августа и длятся до конца октября – начала ноября. Молодые рябчики разбиваются на пары, ищут свободные территории. В этот период они малозаметны – покормятся и спят. Наступает время охоты. Молодые рябчики уже сравниваются по размеру со взрослыми птицами.

Собираюсь в лес с ружьем и манком, фотоаппарат беру на всякий случай. Обычно говорю – на тот случай.

Манок у меня точеный из металла, с хорошим звонким, но не резким, без всяких хрипов и искажений, звуком.

Научиться манить, подряжая голосам рябчиков, было для меня делом несложным. С детства, ради забавы, я небезуспешно пытался подражать голосам разных птиц. Сiju, бывало, перед клетками с птицами и передразниваю их. Они начинают отвечать. Это становится забавным, не замечаешь, как втягиваешься в игру. И чем чаще упражняешься, тем лучше и точнее получается.

Помню, когда у меня впервые появился магнитофон, то первое, что я стал записывать – голоса птиц, включая рябчиков. Уходил в лес, слушал живые голоса птиц и пытался им подражать, а это, что ни на есть, первое дело в охоте.

Голоса и «песни» рябчиков имеют довольно широкие индивидуальные отличия, я уже не говорю о географических. Поэтому важно не жестко привязываться к какому-то отдельному варианту, а овладеть общим строем «песни», тональностью, ритмикой и быть готовым варьировать звук применительно к обстановке. Так постепенно приходят мастерство, уверенность и успех.

И вот наступил долгожданный момент. Я в знакомом лесу, богатом рябчиками, один, без товарищей. Вооружен до зубов на все случаи жизни: со мной манок, ружье и фотоаппарат.

Двигаюсь по лесной дорожке: меньше шума и лучше обзор. Подхожу к опушке. С нее с шумом поднимается рябчик. Я даже не успел среагировать. Значит поблизости есть и другие птицы. Углубляюсь в лес.

Как бы осторожно ни старался ступать, все равно чуткий слух рябчика уловит шуршание листвы, треск сучьев под ногами, хлопанье ветвей по одежде. Поэтому перед тем, как начать манить, останавливаюсь в удобном для наблюдения и стрельбы месте. Две-три минуты пережидая, присев за молодыми елочками под кроной старой ели, чтобы не бросаться в глаза чуткой и осторожной птице, но так чтобы самому хорошо просматривать окружающее пространство и своевременно обнаружить приближающегося рябчика.

Пора начинать манить. Достая манок, вешаю шнурок – на шею, снимаю чехол. Думаю, как лучше манить – голосом пе-

Что там, за рекой?

77

тушка или курочки? Считается, что в начале сезона, когда выводки еще не разбились на пары, манить лучше голосом курочки, поскольку на него должны скорее откликнуться и взрослые петушки и молодые. Практически, молодые хорошо идут и на голос курочки, и на голос петушка, и на голос молодого рябчика. Петушки также, в большинстве случаев, хорошо откликаются и подлетают на голос петушка. И голос петушка слышен дальше. С него я и начинаю, а потом действую по обстановке.

Подаю голос раз-другой и, не получив ответа, выжидаю немного. Повторяю еще и еще. Весь – внимание. Рябчик, услышав призыв, может бесшумно подлететь и устроиться на ветке и смотреть тебе в спину, рассуждая про себя: «И что это за чуело в кепке говорит моим голосом».

А может и прибежать по земле и, заметив меня, раньше чем я его, мгновенно вспорхнуть и улететь.

Сажу в своей, так называемой, засаде и жду, когда рябчик ответит. Ответа нет, но я видел, как он взлетел. Не шевелюсь. Выжидаю какое-то время, маню снова, коротким свистом. Опять внимательно прислушиваюсь.

Наконец-то слышу отклик рябчика и слежу за его перемещением. Теперь отзываться следует не слишком часто и по мере приближения манить все реже. Волнение усиливается. Глаза напряжены. Я словно взведенная пружина – готов к любым действиям со стороны рябчика. Только бы не сорваться.

У рябчика тонкий слух, и он очень точно определяет место, откуда доносится до него призыв. На близком расстоянии он может уловить фальшь в звучании манка. Но пока все идет хорошо. Тьфу...тьфу...

Четко слышу перелеты рябчика с дерева на дерево. Вдруг он возникает, внезапно, бесшумно спланировав и присев совсем рядом, и бежит ко мне по тропинке.

Я оторопел. Видит Бог: ждал птичку, вроде бы и готов был к встрече. Но тут... Словно оцепенел. Не могу пошевелить ни ру-

кой, ни ногой, ни еще чем-то – вот как на меня подействовало его неожиданное появление.

А рябчик находится на месте, удобном для выстрела. Стрелять надо не мешкая, иначе он заметит меня и мгновенно скроется или же просто-напросто переместится туда, где стрелять по нему может быть неудобно.

Рябчик, пока меня не видит, не замечает опасности, издает короткое «тить – тиррю» и бежит дальше, стараясь обнаружить источник привлекшего его звука. И тут, увы, но красавица - птица меня все же замечает, делает «фр-р-р» и исчезает.

Я обмякаю. Распрямляю затекшие ноги.

Испугался рябчик и дал от меня деру. Но не все потеряно. Далеко он не улетит. Надо сменить место. Не торопясь, без шума прохожу дальше в лес за улетевшим рябчиком.

Метров через пятьдесят останавливаюсь, достаю другой манок и все повторяется заново.

Только я поманил голосом петушка, как тут же откликнулся молодой рябчик – знать непуганые. Молодые птицы, как правило, реагируют на манок тотчас же. Слышу его перелеты с дерева на дерево – рябчик идет верхом.

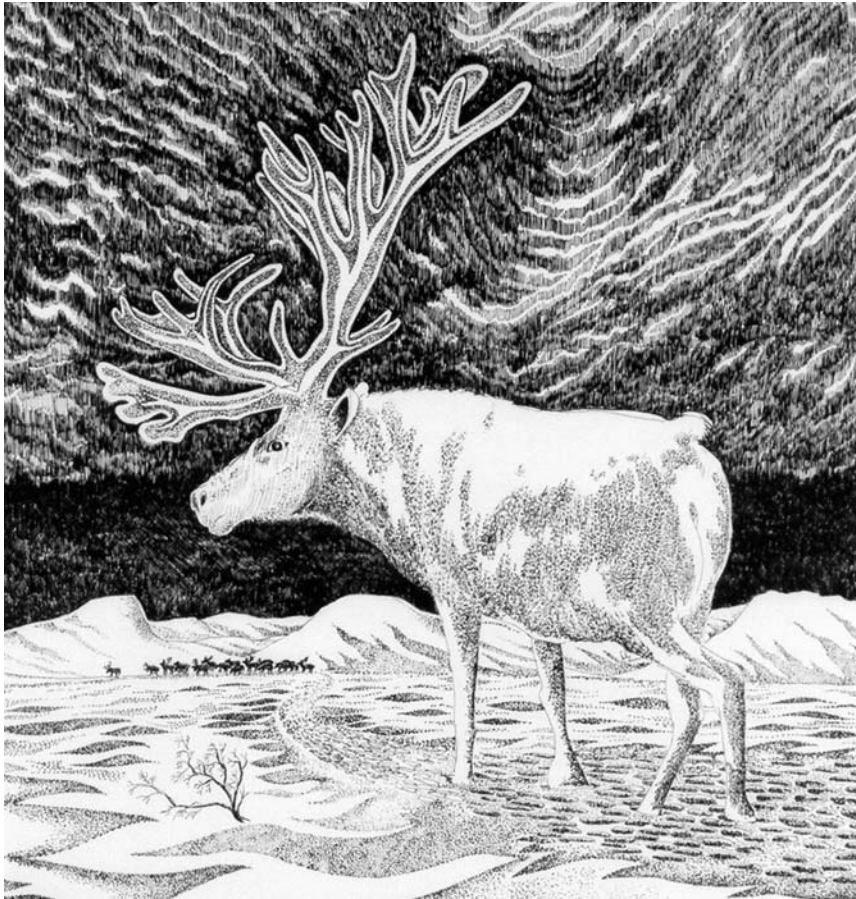
Поманил еще. Птица возникает передо мной на ветке в метрах пяти-шести так же внезапно, как и предыдущая.

Сидит на нижней ветви старой ели и красуется в солнечных лучах молодой петушок, выводя свою красивую переливчатую трель: «тии...ти...тити – тирири – ти».

Залюбовался рябчиком. У самого душа поет и ликует. Сентиментальность одолевает. Какая же красота! Про ружье забыл. Достал телевик и «щелкнул» лесного красавца на память.

Птица вспорхнула и улетела в густой ельник, прочь с моих глаз, оставив меня наедине с моими раздумьями о бытие всего сущего.

Апрель 2003 г.

Старый вожак

ИСТОЧНИК СИЛЫ

Олень был крупным. С серебристо-дымчатыми боками, пушистым подгрудком и зелеными глазами. Лежал он на берегу речки. Под его телом снег протаял до мхов и травы. Отдельные травинки доверчиво жались к его горячему боку, будто пришла весна. Тундра отдавала оленю свою силу, накопленную в короткое полярное лето, которое здесь, на плато Путорана, – совсем ничего. Зверь лежит уже трое суток, худея и теряя вес, но обретая взамен вечную силу своей земли.

Оленихи, чуткие и длинноногие перешли речку, углубились в предгорья, уходя на пастбища, укрытые от леденящих полярных ветров. Старый вожак знал, что легко догонит стадо. Следы олених будут еще долго и сладко дымиться над снегами и проталинами, не давая ему сбиться с пути.

Колобком прокатил, откуда ни возьмись, вылинявший песец. Увидев старого оленя, он остановился и вопросительно твякнул. Тот в ответ только глазом повел, не поднимая головы. И песец взвизгнул и пропал за снежными холмами.

И снова – тишина. В этом покое зрела оленья сила. Стало пустынно и безмолвно в снежном краю.

Наконец олень встал, вышел на лед речки и пошел к противоположному берегу. Он, ослабленный, не боялся нападения на льду, где всегда поджидали его волки. Они были страшны весной, когда на реках стояли наледи, а олени утомлены долгой зимовкой и переходами.

Старый вожак внимательно посмотрел по сторонам и, не останавливаясь, застрочил копытами, уходя к синим верховьям...

Он шел тощий, как борзая, спотыкаясь и замечая белым подгрудничком снежную пыль, спускаясь с горы. Молочно и сладко пахли здесь снега, прикрывавшие скудную растительность. Пересиливая слабость, он вскинув голову и зашагал молодое, почуяв под собой тропу родного стада.

Май 2003 г.

ТАБУН

Мы проехали километров десять и увидели на сером горизонте небольшой табун пасущихся лошадей. Направились к нему. Лошади, держась все время довольно плотно, бродили по степи, питаясь скудной растительностью.

Подъехав к табуну на близкое расстояние, увидели, что от него отделился вожак, прекрасный рыжий жеребец. С высоко поднятой головой, горящими глазами, густым развевающимся хвостом, который он все время откидывал в стороны, с громким предупреждающим ржанием остановился он перед нами, совсем рядом, в угрожающей позе, всем своим поведением и видом показывая, кто в доме хозяин.

Вожак был невыразимо красив, и мы невольно залюбовались им.

Постояв несколько минут, посоветовались и решили ехать дальше.

Жеребец постоял некоторое время, поглядел нам вслед и, высоко держа голову, приподняв густой хвост, медленной рысью направился к своему табуну, оглашая воздух ржанием, которым он успокаивал своих кобыл.

Скоро лошади скрылись из глаз, пропав за легкой, едва различимой возвышенностью. Проехав несколько километров, вдруг услышали сзади топот десятков копыт и, оглянувшись, увидели какое-то темное пятно, которое несло по степи в нашу сторону.

Мы остановились. Мой приятель, присмотревшись к несущемуся потоку, воскликнул: «Волки!» - и бросился во весь опор к табуну, я – за ним.

Через мгновение мы были уже недалеко от этих лошадей. Впереди табуна, стараясь уйти от преследующей их лавины, поджав хвосты, неслись три волка.

Оторвавшись на два-три корпуса от табуна, за хищниками неся рыжий жеребец, а за ним, так же неудержимо, как и он, мчались его кобылы.

Мы с Кирилычем остановились, понимая, что здесь наша помощь не нужна, и остерегаясь, чтобы самим не попасть в ту лавину, отъехали в сторону. Все произошло так близко от нас, что мы до мельчайших подробностей увидели расправу благородных животных над их исконными врагами.

Расстояние между волками и лошадьми сокращалось с каждым мгновением. Вот табун во главе с их вожакom и защитником настиг хищников. Как грозная туча он накрыл волков. Понесся вой зверей под копытами лошадей.

Когда табун пронесся, на почерневшей земле валялись только окровавленные, бесформенные тела волков. А лошади, промчавшись еще немного вперед, остановились и, обернувшись, глядели на сотворенное ими.

Вожак же, гордый и прекрасный, с раздувающимися ноздрями и налитыми кровью глазами, направился к месту казни своих врагов.

Теперь он более спокойно отнесся к нашему присутствию, понимая, наверное, что люди оказали бы ему нужную помощь, если бы она понадобилась.

Довольный результатом, вожак гордой рысью направился к табуну, к которому тем временем подбегали отставшие от него жеребята и их матери.

ОБЛАВА

Облава получилась удачной. Петр несся во весь опор, не чувствуя быстрых ног гнедой, летел не замечая ни кочек, ни рытвин, на которых лошадь могла и ногу сломать, и всадника вышибить из седла. Он мчался в общей цепи всадников, которая охватывала загон маячащие перед глазами серо-рыжие тени, чуть заметные на фоне выгоревшей травы.

Волки то появлялись перед глазами, то пропадали, скрываясь за невысокими буграми.

«А-ля-ля-а-а!...» - несло следом.

Азарт нарастал. Охотники любят такие мгновения, да и кто же не любит сильных, ярко-жгучих впечатлений?! Дух у Петра захватило от переполняющего восторгом ощущения скорости, жарких порывов омывающего встречного воздуха.

Скачка напомнила о бесшабашной молодости, когда, постелив на лошадей телогрейки, носился вместе с такими же, как он сорванцами, не разбирая дороги, в ночное.

Восхищение от быстрой верховой езды захлестнуло, как когда-то, без остатка, полностью овладев сознанием, каждой клеточкой тела, и уже казалось, что человек создан не ходить, а вот так мчаться, слившись с конем.

Петр уверенно вел загон, моментально ориентируясь в исчезающем в пыли за спинами всадников пространстве степи. Он то опережал, то отставал от загоняемых волков. А потом обогнал лавину всадников, уводя их в сторону от стрелков, замаскировавшихся на плоской возвышенности.

И вот через короткое время загремели выстрелы. Встреченные картечью, хищники кувыркались на лету, плашмя падали на землю.

Стая разделилась. Большая ее часть помчалась вперед, наткаясь на свистящий барьер картечи. Несколько волков устремились в открытую степь. Их тоже остановили меткие выстрелы. Только двух подранков, подпрыгивающих странным образом, пришлось добивать.

Три волка, ведомые матерой волчицей, пошли прямо на стрелков, стараясь проскочить между номерами.

Мчащегося на охотника волка убить очень трудно. Удалось сразу попасть только в одного переярка, да с сильной кровью прошел стреляный четвертым и пятым номерами молодой волк. Вскоре его нашли в полукилометре от линии номеров.

И все же ушел левее второго номера переярков, прорвалась после неудачного дуплета и матерая волчица – значит, волчий род продолжится.

Подсчитали трофеи. Волков было пятнадцать: пара матерых, восемь прибылых и пять переярков.

Охотники радостно и воодушевлено разговаривали о только закончившейся охоте.

Петр подъехал к оказавшемуся в стороне от других волчонку. Подшерсток его был серый с неяркой рыжей опалиной. Он лежал, растопырив лапы, лобастая голова уткнулась в землю.

Спрыгнув с лошади, Петр погладил по шерстке волчонка, почесал остро торчащие уши. Исчезло восторженное состояние скачки. Несмотря на то, что не раз слышал о свирепых волчьих погромах, стало жалко беспомощного зверя – ребенка.

- Хороший волчок! Бери себе, как память об охоте. - Мягко, успокаивающе произнес Кирилыч и стал собираться.

... Непрекращающейся длинный волчий вой будто опять поплыл в ушах Петра, а на щеку набежала печальная слеза.

ПРОВЕТРИЛСЯ

Хмурое зимнее утро, идет слабый снег, но, все равно, по своему красива картина здешних мест. И заснеженные поля, и темнеющая громада леса, и притихшая излучина реки.

Он возвращался с охоты, как говорится – ходил проветриться. Неожиданно путь ему пересек свежий волчий след. Звери шли «в лапу», но опытный глаз охотника и следопыта быстро определил, что их два – матерых волка и волчицы. Путь хищников шел, скорее всего, к местам жировок лосей.

В голове план действий сложился мгновенно: предупредить близящуюся лесную трагедию. И он немедленно начал преследование волков. Гнать их следует возможно дальше, и, когда звери поймут, что их преследуют, продолжать пугать криками и выстрелами.

Охотник проверил ружье. Все в порядке – патроны с картечью. Широкие охотничьи лыжи быстро заскользили вдоль следа, который пересек поле и пошел по густому мелколесью – любимым местам сохатых. Идти стало тяжелее – лыжи утопали в еще не окрепшем снегу. Порой приходилось обходить заросли молодняка, хотя туда уходил след. Но вот, мелколесье стало редеть, и охотник оказался на широком лесном прогале, за которым шли низкие, поросшие кустарником места жировок лесных великанов. Снег там был прорезан тропами кормившихся животных.

Он остановился, окинув взглядом открывшуюся перед ним местность, поправил сбившуюся на затылок шапку и ружье и вновь, было, ринулся в преследование, как вдруг увидел в кустарнике сохатого. Тот, заметив человека, развернулся и медленно пошел на сближение с ним.

Скоро все стало ясно. Сохатый с трудом передвигался по глубокому снегу. На его голове и загривке в мертвой хватке висел большой волк. Сзади в круп великана вцепилась волчица.

Охотник поспешил на выручку обреченному зверю, а тот, теряя последние силы, сам двинулся под защиту человека. Бока, шея, спина и круп дымились от пота. В черных сливовых глазах застыло выражение ужаса.

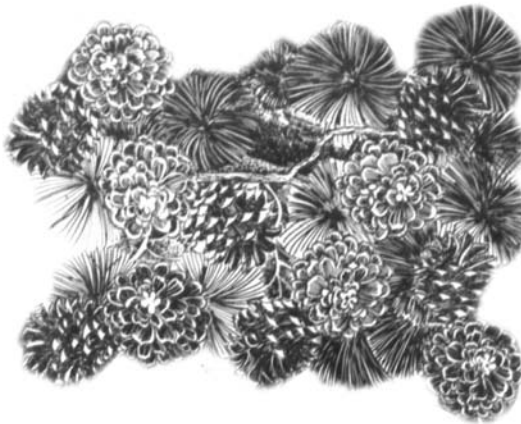
Хищники в порыве ярости и жажды крови, предчувствуя близость победы над жертвой, не заметили охотника. Он дуплетом наповал уложил их одного за другим. Матерый упал тут же, волчица смогла отскочить всего на несколько шагов.

Вконец испуганный лесной великан задрожал, медленно развернулся и тихонько затрусил к спасительным кустарникам, роняя на снег яркие капли крови.

Человек постоял еще немного, подождал пока шум удаляющегося сохатого не стих, развернулся и, с какой-то легкостью в теле и радостным настроением, поспешил обратно, туда, где совсем недавно его лыжи пересекли звериные следы.

Вот тебе и проветрился...

Июнь 2003 г.

НА СИДИМИ И АДМИИ

В один и тот же летний день в районе рек Сидими и Адими может быть прохладно и моросливо, а отъедешь подальше от них, в глубь материка, там – ясно и тепло. Даже жарко.

Извилистая река Сидими блуждает между сопок, и, если посмотреть на нее с высоты птичьего полета, получится нечто похожее на кружева. В нижней части долины почва исключительно наносная: ил и полосы свежего песку, придавившего траву и кусты, говорит о том, что в конце лета эти места заливаются водой два раза. Около устья растет кустарниковая ольха и высокий тальник. Склоны сопок, да и сами сопки, окаймляющие долину заросли с южной стороны низкорослым дубняком, а с северной – старым замшелым хвойным лесом.

Там, где я брожу в поисках уток, сегодня жарко и влажно. Душно – большая влажность. Трава и камыши высокие, и это место со всех сторон закрыто от ветров. Вокруг лесистые сопки, которые синеют вдалеке. Воздух насыщен испарениями земли, запахами разомлевших трав и цветов. Какие здесь густые, пышные травы!

Заросли кипрея, жимолости, лимонника и шиповника опутаны цепкой повителью мышиноного горошка и павелички. Осыпает легкие белые лепестки отцветающая кашка.

В этой двух-, трехметровой траве, шеламайнике, стоит призрачный и таинственный полусвет. Я ружьем отвожу толстые, трубчатые стебли шеламайника, руками разгребаю путаницу кустов, грудью рву зеленые нити горошка и павелички, постепенно выбираясь к речке.

Вот уже бреду по мелкой воде. Мимо меня проносятся многочисленные кулички, скрываясь за верхушками высокой травы.

В самой речке скользят длинные быстрые тени. Это идут на нерест горбуша, кунжа и кета – промысловые лососевые рыбы этих речек. Вся животина, которая любит рыбу, держится у воды – тут есть, чем поживиться.

Не раз я видел, как орланы охотились на рыбу, пикируя в воду, выхватывали больших лососей. Медведи тоже в это время становятся рыболовами. Их тропы сворачивают к отмелям и перекатам. Зайдя в воду, медведь, почти как человек, высматривает рыбину, чтобы зацепить ее когтями сильной лапы и выбросить подальше на берег.

Стараюсь идти речкой, на звериную тропу выхожу лишь в исключительном случае. Обошел быстро по берегу глубокое место – и снова на речку, боюсь встретиться с косолапым.

В пойме реки после половодья образуются ряд озерцов. Продираясь сквозь заросли, брожу от озера к озеру. Уток нет.

У изгиба реки на берег выбросило мертвую кетину. Тут же к ней спустилась черная ворона. Осмотрев находку, она мигом извлекла и проглотила рыбий глаз и совсем уже собралась основательно утолить голод лососиной, когда в небе словно кто-то ударил в гонг.

Тут же к вороне присоединился старый ворон. Пришлось кумушке уступить на время добычу. Она взлетела на макушку сосны и недовольная нахохлилась.

Тем временем, ворон разрывал розоватое мясо лосося, но и его обед был прерван. Над речкой проплыла большая тень, и на берег опустился тяжелый орлан-белохвост.

Не успел он сложить свои могучие крылья, как ворон взмыл к небу: он словно знал, что после орлиной трапезы вряд ли что останется.

Приветствуемый криком вороны, еще больше нахохлившейся на сосне, орел подошел к рыбе, наступил на нее одной когтистой лапой, и стал отрывать крупные куски мякоти. Appetit у него был отменный. Вскоре от кеты остались лишь голова да позвоночник.

Стоило мне чуть шевельнуться, как орлан взлетел и исчез за поворотом реки.

После тяжелой ходьбы и духоты устраиваю на чистом берегу, подальше от кустов и высокой травы, короткий отдых.

Взгляд скользит поверх травы, перекаатов, сопок, прекрасных и манящих в этот край людей. Сколько незабываемых мгновений подарила мне эта полоса земли и сколько еще подарит – дай бог, не раз свидимся.

Однажды я оказался свидетелем удивительного события.

В маленьком мелководном каменистом озерке шел нерест. Пошевеливая кроваво-красными плавниками и хвостом, самка-горбуша стояла в его середине. Иногда она вздрагивала, от головы к хвосту прокатывалась судорога. Горбуша поворачивалась и вставала чуть наклонно. Она вылиwała икру. Три самца – клювача ходили на равном расстоянии вокруг нее, изредка накидываясь друг на друга, словно бы не вынося больше присутствия других соперников. Вода вскипала, разлетаясь брызгами от ударов мощных хвостов. Самка в этой потасовке участия не принимала. Она потихоньку поворачивалась то одним, то другим боком, поднималась, обнажая свою красную спину, вновь опускалась. Самцы-клювачи кружились тесным хороводом, пока между ними не вспыхивала очередная драка. И опять вода взрывалась, бугрилась от этих рыбин. Волны от их борьбы выплескивались на камни бережка.

Я сидел на бережку, у воды, и все смотрел и смотрел на этих прекрасных рыб.

Солнце стало сваливаться к закату. После увиденного, интерес к уткам, на которых я собирался поохотиться, постепенно угас. Вскинув ружье, направился вдоль протоки к речке, а за спиной еще долго слышал всплеск воды.

Незаметно я пришел к тихой речной заводи. Здесь мне открылась невеселая картина. Заводь представляла собой кладбище отнерестившихся лососей. В воздухе стоял тяжелый неприятный запах. Вспугнутые птицы, которые поедали падаль, неохотно отлетели и сели неподалеку от озерка.

Объединенные хищниками, расклеванные птицами рыбины валялись по берегам и на отмелях. Еще живые, но ослабевшие и выцветшие, заживо разлагающиеся горбуши, кеты, кунжи вяло

тыкались носами в камни, падали на бок, с трудом возвращаясь в обычное состояние. Они, умирающие, лежали на отмелях, широко топыря сухие жабры и устало шлепая хвостом.

Некоторые из них, заслышав мои шаги, из последних сил поднимались, ползли по мелководью и снова валялись на бок...

Вот такова кончина этой удивительной рыбы – лосося. Однажды родившись в какой-то речушке или озерке, мальками скатываются они по течению в океан, вырастают в его просторах в крупных рыб и через несколько лет устремляются назад в реку, безошибочно находят ту свою единственную на свете речку или озерко, где они родились. Как? Загадка!

Часть мальков не плывет в океан и остается жить в этих речках. Но они не вырастают до больших размеров, как их океанские собратья. Местные жители их называют ласково пеструшками или радужными рыбками. Этим небольших рыбок любит ловить ребятня на самодельные удочки и нехитрую снасть, получая величайшее удовольствие.

